

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ

КЭТЛИН БАРБЕР

Психологический триллер (АСТ)

Кэтлин Барбер
Следуй за мной

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Сое)-44

Барбер К.

Следуй за мной / К. Барбер — «Издательство АСТ»,
2020 — (Психологический триллер (АСТ))

ISBN 978-5-17-122690-9

Одри Миллер – красивая, успешная и счастливая. По крайней мере, так считают миллион подписчиков в Инстаграме. Они следят за каждым ее шагом и знают все подробности переезда из Нью-Йорка в Вашингтон, новой работы в престижном музее и повседневной жизни. Вот только «за кадром» остаются навязчивый сосед-наркоман, взломанная дверь в квартиру, странное поведение окружающих и жуткие находки. И похоже, кому-то недостаточно лишь наблюдать за жизнью Одри на расстоянии. Теперь он хочет сделать ее своей, и в стремлении завоевать сердце девушки для него нет ничего запретного – и ничего личного...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-122690-9

© Барбер К., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	23
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	34
Глава 13	38
Глава 14	39
Глава 15	42
Глава 16	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кэтлин Барбер Следуй за мной

Посвящается Марку

Kathleen Barber
FOLLOW ME

Перевод с английского *М. Стрепетовой*

Печатается с разрешения литературных агентств Fletcher & Co, LLC и Andrew Nurnberg.

© Kathleen Barber, 2020

Школа перевода В. Баканова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Пролог Он

В интернете все врут. Все до единого. Различается вранье только масштабами. Мошенники и вымогатели обманывают по-крупному: звонят доверчивой бабушке и просят внести залог за внука, якобы попавшего в тюрьму в Таиланде. Кто-то лжет по мелочам: ставит галочку «Я прочитал условия соглашения» и ставит лайк под фотографией курносого племянника. Но большинство из нас привирает в попытке выставить себя в лучшем свете. Мы приукрашиваем свои данные в резюме. Улыбаемся на фотографиях, даже если на душе печаль. Хотим, чтобы наша жизнь казалась не такой заурядной. Что в этом плохого?

Но еще в Сети можно узнать правду.

Так случилось у нас с Сабриной, моей рыжеволосой принцессой, без которой в возрасте шестнадцати лет я не представлял свою жизнь. Держа ее за руку, я был готов покорить весь мир. В каждом ударе моего сердца звучало ее имя. К тому моменту, когда семья Сабрины вдруг решила уехать в Калифорнию, мы встречались семь месяцев. Сначала мне хотелось лишь одного – выпить отбеливателя и сдохнуть, затем я понял, что это просто испытание нашей вечной любви, и лет через пятьдесят мы будем со смехом вспоминать годы разлуки. В день отъезда Сабрины я нашел на подушке два ее волоска и бережно уложил их в конверт.

В первое время мы часами болтали по телефону. Я наматывал волосы на палец, слушая рассказы Сабрины, как она ненавидит Калифорнию и как ей плохо без меня. Она заверяла, что по-прежнему любит, что ничего не изменится. Вопреки обещаниям, звонить она стала все реже, на сообщения не отвечала по несколько часов. Я подумал, что она просто загрустила, и начал отправлять ей цветы, подарки, стихи, написанные чуть ли не кровью моего страдающего сердца.

А потом Астрид Маршалл, ее стервозная подружка, прислала мне ссылку на видео «ХИТ-ПАРАД ГОРЯЧИХ ПАРНЕЙ ШКОЛЫ НЬЮМАН-ХАЙ!». Мне стало дурно, когда я увидел Сабрину в окружении каких-то незнакомых девушек. Я с ужасом заметил, что она отрезала свои великолепные волосы по подбородок и обесцветила несколько прядей. Главной среди собравшихся была пергидрольная блондинка с ярким, но неумелым макияжем, так что тон кожи на шее отличался от цвета лица. Визгливым голосом она поздоровалась, глядя в камеру, и завела обсуждение «самых горячих» парней в их школе. Сабрина хихикала и одобрительно кивала, отчего мой желудок затянулся в узел. Потом кто-то спросил ее про отношения на расстоянии, и к моему горлу подступила тошнота. Сабрина энергично покачала головой, непривычно короткие волосы запрыгали вокруг лица.

«Ну, есть один парень, который на мне помешался, но мы не вместе. Он присылает кучу подарков, вот я его и не отшиваю».

Все девушки зашлись злобным смехом, и я захлопнул крышку ноутбука, чтобы эта предательница не сожрала мое сердце целиком.

Той ночью я стащил у старшего брата зажигалку, поджег волоски из конверта и смотрел, как они чернеют и скукоживаются.

Когда же я прямо спросил Сабрину про видео, она расплакалась и стала извиняться. Только это была очередная ложь. Она жалела лишь о том, что ее поймали на вранье.

Но потом появились новые видео, и на них Сабрина не выглядела виноватой. Эта бессердечная сука жила полной жизнью, тогда как моя жизнь была полностью разрушена. Долгие годы я был уверен, что не смогу больше полюбить.

Пока не встретил Одри.

Забавно, что в некотором смысле свела нас именно Сабрина. Если бы не ее вранье, я никогда не полез бы на форум «Засветившиеся», где парни, узнавшие из интернета о предательстве любимых девушек, делились своими историями и сочувствовали друг другу. На этом сайте я нашел убежище от страданий. Друзья по несчастью помогли понять, что в случившемся нет моей вины – если кто и заслуживает осуждения, так это алчные стервы вроде Сабрины.

Впрочем, на форуме не только жаловались на бывших. Здесь оживленно обсуждались девушки, выставяющие себя напоказ в интернете, – блоггерши, активистки, модели. Женщины, торгующие своим телом онлайн, будто фруктами в супермаркете. Пользователи форума единогласно пришли к выводу: лучше восхищаться красотками на экране компьютера, чем заводить отношения в реальной жизни, ведь все представительницы женского пола врут, а у этих хотя бы вся жизнь на виду. Все и так догадываются, что их идеальные тела подправлены в фоторедакторе, а длинные ресницы просто приклеены. Девушки из Сети никогда тебя не унижат, не оставят зияющую дыру в твоей душе, потому что они сами бездушны.

Я не признавался форумчанам, что скучаю по биению сердца настоящей девушки. Что хочу зарыться лицом в пушистые волосы, вдохнуть аромат благоухающей кожи и ощутить мягкость губ. Если б только эта сука Сабрина не разбила мне сердце...

И вот как-то ночью я лежал на своей двуспальной кровати, прислушиваясь к храпу соседа, и просматривал ветку форума, куда парни выкладывали найденные в Сети фотки идеальных, на их взгляд, девушек. Мне вдруг показалось, что я увидел Сабрину. Я вскочил, в груди защемило так сильно, что стало тяжело дышать. Я сразу узнал эту блестящую гриву рыжих волос – даже на уменьшенном фото.

Сабрина.

Трясущимися пальцами я кликнул на фотографию, чтобы открыть ее в полном размере, и с облегчением – а также разочарованием – увидел, что в камеру улыбается какая-то другая огненноволосая красавица. Это был скриншот с ее записи в социальной сети, и я сумел разглядеть указанное на странице имя: Одри.

Внешнее сходство с Сабриной было поразительно, хотя при внимательном изучении снимка я увидел и некоторые различия. Да, обе миниатюрные и рыжеволосые, но черты лица у Одри более точеные. Под густыми ресницами блестели зеленовато-голубые глаза, лицо в форме сердечка, в разрезе блузки виднелись выпуклые очертания груди. Настоящая искусительница. Мой рот наполнился слюной, по телу прошла волна жара.

Одри.

Я подписался на все ее страницы в социальных сетях, которые только смог найти, прочитал все архивы блога, искал потаенный смысл в ее записях. Запечатлел в памяти каждый ее снимок. Она была авантюрнее Сабрины, с отличным чувством юмора. Я разузнал, какую музыку она слушает, какие фильмы смотрит, какие книги читает. Я поглощал всю информацию, которой Одри делилась с окружающими.

Больше всего мне понравилась фотография Одри на пляже. Ее молочно-белая кожа светила на фоне черного вязаного купальника, глаза смотрели прямо в камеру, прямо на меня, хотя она стояла вполоборота к океану. Одна рука удерживала развевающиеся волосы, другая протянута к объективу, словно в немой просьбе: «Следуй за мной».

Глава 1

Одри

Что не убивает, делает тебя интереснее. По крайней мере, таков мой личный девиз, и я мысленно повторяла его по дороге в Вашингтон, чтобы не удариться в панику. Правда, особо не помогало, и теперь я сомневалась: так ли уж логичен этот девиз? Что, если, наоборот, я становлюсь менее интересной?

Я вздрогнула. Может, погладить чихуахуа, занимающую четверть моего сиденья? Ну, для моральной поддержки. Как только я протянула руку, хозяйка собаки, свирепого вида женщина с французским маникюром, одетая в велюровый спортивный костюм, завопила: «Не мешайте, он работает!» На мой взгляд, тот скорее дремал, но выводить из себя его нервную хозяйку не хотелось. Я достала из сумки таблетку успокоительного и еще раз украдкой сфотографировала пса. Загрузила снимок в сторис Инстаграма¹, добавив надпись сиреневыми буквами «Второй час в поезде» и мультяшную твякающую собачку.

Почти сразу посыпались комментарии от подписчиков, которых у меня больше миллиона.

Удачно добраться!

Осторожно, этот пес явно точит на тебя зуб!

Держись, Одри!

Напряжение в плечах и шее понемногу исчезало, и я устроилась в кресле поудобнее. Ради комментариев я и делилась подробностями своей жизни. Моя бывшая соседка (она же бывшая лучшая подруга) Иззи говорила, что это все из-за моего нарциссизма, хотя сама-то не могла пройти мимо любой зеркальной поверхности. К тому же дело было не в самовлюбленности, просто мне нравилось быть *на связи*. О каком одиночестве может идти речь, если у тебя миллион друзей?

Подписчики интересовались, во что я одета, каким лаком покрасила ногти, что за музыка играет у меня в наушниках, и я ответила на все их вопросы, кроме самого главного: «*Почему ты уезжаешь из Нью-Йорка?*»

Чертовски хороший вопрос.

При мысли о нем у меня бешено стучало сердце, и приходилось глотать таблетки. Я ведь люблю Нью-Йорк. В этом городе кипит жизнь, и лучшего места не найти во всем мире. Сколько себя помню, я мечтала жить в нем и в детстве даже обклеивала стены своей комнаты фотографиями Эмпайр-стейт-билдинг, статуи Свободы и других достопримечательностей.

Я думала, что нашла свой дом... Но прошло семь лет, и вот поезд уносит меня из любимого города, а вещи трясутся в нанятом для переезда грузовике. Я всегда говорила, что если и бросать Нью-Йорк, то лишь ради такого же шикарного города типа Парижа, Лондона или Токио.

Вашингтон в этот список не попадал.

¹ Сторис (англ. *stories* – истории) – функция Инстаграма для выкладывания фотографий и коротких видео с возможностью добавлять к ним подписи и эмодзи. Главная особенность сторис – они исчезают через 24 часа после публикации.

Вдруг я совершаю ужасную ошибку? Пришлось нащупать еще одну таблетку успокоительного.

Все я делаю правильно. Разве работа мечты может быть ошибкой?

По правде говоря, я начала мечтать о работе в музее еще раньше, чем о жизни в Нью-Йорке. Выучилась на искусствоведа и планировала пойти в магистратуру по музейному делу, но решила сперва поработать в какой-нибудь галерее – годик, не больше. Год превратился в два, и, хотя на заветные должности в музеи брали только выпускников с магистерской степенью, я все откладывала поступление и продолжала работать по совместительству в паре частных галерей, а еще как волонтер в Нью-Йоркском музее современного искусства и Музее американского искусства Уитни.

Но месяц назад я наткнулась на вакансию в музее Хиршхорна². Администратор социальных сетей. С этим я справлюсь – и справлюсь отлично. В соцсетях я разбираюсь лучше всех, иначе мне не удалось бы создать вокруг себя, простой девчонки со Среднего Запада, культ личности в миниатюре. Недолго думая, я отправила резюме.

Когда Аяла Мартин-Несбитт, куратор музея, позвонила мне и предложила работу, я немного струсила. Да, это великолепное учреждение, входящее в состав Смитсоновского института, покорило меня, но ради него придется бросить Нью-Йорк. Мне дали сутки на размышления, и я решила обсудить все с Иззи, моей лучшей подругой со времен начальной школы. Иззи давала мне советы по любым вопросам, начиная с прически и заканчивая отношениями с бывшим боссом, любителем неуместных шуточек. Я знала, что она не подведет.

Когда я с энтузиазмом распахнула дверь нашей квартиры в Ист-Виллидже, держа бутылку шампанского в руке, Иззи, сидевшая на диване, даже не шелохнулась.

Я сразу поняла: что-то произошло. Поэтому поставила шампанское на стол и спросила:

– В чем дело?

Она потеряла прядь длинных темных волос и стала рассматривать кончики.

– У Расселла в конце месяца истекает срок аренды.

– Вот подстава. – На самом деле я обрадовалась, что теперь-то ужасный парень Иззи, обладатель невыносимо стильной бороды, уедет из Нью-Йорка.

– Ага. – Иззи перестала дергать волосы и посмотрела мне в глаза. – Он переезжает к нам.

– Что? – изумилась я. – Нельзя просто взять и заявить, что твой парень и его коллекция поддельных кроссовок «Гуччи» будут жить с нами.

Иззи поджала губы, ее карие глаза помрачнели.

– Вообще-то можно. В договоре аренды указано только мое имя, потому что никто не сдал бы жилье звезде Инстаграма, перебивающейся мизерными заработками. Это моя квартира, а значит, я решаю, кто тут будет жить.

От ее слов стало больно, как от удара под дых. За время нашей многолетней дружбы мы с Иззи частенько ссорились, но только не из-за денег. Однажды, когда я была на мели, она несколько месяцев подряд платила аренду за нас обеих. Неужели она с тех самых пор копит обиду? Я же давно отдала долг и теперь никогда не задерживаю свою часть оплаты. Да и она не стесняется пользоваться косметическими средствами, которые мне присылают для рекламы в Инстаграме.

– Ну и ладно. Я все равно переезжаю в Вашингтон, – фыркнула я в ответ.

– Тебе предложили работу? – удивилась она.

– Ага. – Я начала снимать фольгу с шампанского.

² Музей Хиршхорн – один из крупнейших художественных музеев США, расположен в Вашингтоне, округ Колумбия. Является частью инфраструктуры Смитсоновского института. Открыт осенью 1974 года на средства предпринимателя и мецената искусства Джозефа Хиршхорна. Экспозиция представлена в основном картинами, за пределами музея разбит сад скульптур.

Еще совсем недавно Иззи заставила бы меня пересказать беседу с Аялой в мельчайших подробностях и не успокоилась бы, пока не узнала все до последней детали. Мы просидели бы всю ночь, обсуждая плюсы и минусы новой должности, и подруга помогла бы мне принять верное решение. Сейчас она просто кивнула.

– Что ж, все удачно складывается.

– Да, просто прекрасно. – Я пожала плечами, затем откупорила бутылку и сделала глоток. В Вашингтоне все и правда будет намного лучше.

Глава 2

Кэт

Каждую субботу я проводила рукой по бесконечным рядам бутылочек лака, задерживаясь на вишневых, коралловых и пурпурных оттенках, и все равно выбирала светло-розовый. Так продолжалось уже четыре года.

– Что за скука! Добавь в жизнь немного красок! – взмолилась Моне, моя любимая маникюрша.

– В следующий раз, – пообещала я, хотя знала, что ничего не изменится. – В понедельник встреча с важным клиентом.

– У тебя всегда встречи, – недовольно пробормотала она, стирая остатки потрескавшегося за неделю лака.

Так оно, в принципе, и было. То клиенты, то обед с партнерами, то переговоры с адвокатом второй стороны, то надо сопровождать старшего юриста в суде. С ногтями оттенка «Откровенно красный» не получится внушать людям уважение.

– Видимо, очень важный клиент, – добавила Моне, кивком показав на мой телефон, лежавший на подлокотнике кресла экраном вверх.

В салоне я обычно выключала мобильный и убирала его в сумку. При моем безумном расписании времени на себя почти не оставалось, и эти сорок пять минут были настоящим блаженством. Никаких звонков, никаких электронных писем и запросов информации – все могло подождать.

Именно благодаря Одри я узнала, что маникюр – отличный способ борьбы со стрессом. Помню, на первом курсе я сидела в библиотеке, уткнувшись в учебники, а подруга схватила меня за руку и потащила в салон. Я сопротивлялась, мол, мне некогда, да и вообще, все это пустая трата денег, но в ответ услышала лишь смех. Смех человека, уверенного в собственной правоте. И знаете, Одри не ошиблась. Оказалось, маникюр – невероятно расслабляющий процесс: сидишь и смотришь, как тебе полируют и красят ногти. Может, мы опять начнем ходить в салон вместе, раз уж Одри переезжает в Вашингтон? С ней я готова разделить свои сорок пять минут тишины.

Мы не виделись несколько лет, а ведь когда-то она была моей самой близкой подругой. Мы жили вместе в общежитии, но семь лет назад, после окончания колледжа, наши пути разошлись: Одри отправилась покорять Нью-Йорк, город своей мечты, а я поступила на юрфак в Университете Виргинии. Когда-то мы были неразлучны и не имели секретов друг от друга, теперь же встречались только на свадьбах общих друзей. Я не жалела о своем выборе, только очень скучала по Одри. Она далеко не идеальна, и все же у меня никогда не было подруги лучше.

До сих пор отчетливо помню тот день, когда мы познакомились. Я только приехала в колледж, меня переполняли надежды, что наконец-то все будет по-новому. Я ведь тоже изменилась. Никто не знал меня как коротышку из летнего лагеря, да и с заиканием тоже удалось справиться благодаря консультациям психолога и лекарствам. Эмили Сноу уже не назвала бы меня «уродиной». Однако надежды разбились вдребезги, когда я встретила свою соседку по комнате, курносую брюнетку Тифани – «с одной Ф», – которая отнеслась ко мне с едва скрываемым пренебрежением. На студенческом собрании в тот же вечер она сделала вид, будто не знает меня, и я смирилась с мыслью, что следующие четыре года проведу в окружении сучек. Я взяла банку колы и села на пол, стараясь не расплакаться.

Когда зашла опоздавшая Одри, все обернулось. Блестящие золотисто-рыжие волосы, заразительный смех – ее трудно было не заметить. Она явилась в компании двух худющих

блондинок, одетых, как и сама Одри, в джинсовые шорты – такие короткие, что наружу торчала внутренняя сторона карманов. Девушка сказала что-то своим подружкам, и те захохотали, словно гиены. Я зачарованно наблюдала за ней на протяжении всего собрания – вот бы мне хоть немного ее уверенности. Она в мою сторону даже не глянула.

Зато когда Тифани по дороге к выходу пихнула ногой мою банку с колой (специально, надо полагать), именно Одри пришла на выручку с рулоном бумажных полотенец.

– Держи. – Пару полотенец она подала мне, еще несколько бросила на пол и наступила сверху, чтобы они впитали разлитую жидкость.

– Спасибо.

Широко улыбнувшись, Одри ногой сдвинула кипу намокших салфеток поближе к мусорной корзине, но поднимать их не стала.

– Не за что. Еще увидимся.

«Еще увидимся». Эти два слова заставили меня поверить, что в колледже будет не так уж страшно. И я действительно справилась – благодаря Одри.

Глава 3

Одри

До собеседования я бывала в Вашингтоне всего один раз – на школьной автобусной экскурсии в восьмом классе. Среди однотипных памятников и музеев запомнилось лишь то, как одноклассника вырвало на ковер в Белом доме.

Следовало приехать еще неделю назад и заняться поиском новой квартиры, но до меня вдруг дошло, что через две недели я уеду из Нью-Йорка, а мне не хотелось расставаться с любимым городом ни на секунду раньше. И пошло-поехало: ужины в любимых ресторанах, загулы с друзьями, знакомыми – да со всеми, кого я успела повстречать в Нью-Йорке. Вечерами я бродила по улицам, стараясь запомнить каждый уголок.

В один из таких дней я вернулась домой и стала просматривать объявления об аренде. На голову так сильно давили выпитые коктейли и мысль о неминуемом переезде, что я отправила сообщение хозяйке первой попавшейся квартиры. Утром от нее пришел ответ. Поиски в интернете помогли удостовериться в том, что автор объявления – не мошенница, и я написала ей о своей готовности снять квартиру. Опасения были излишни: в подписи электронной почты у этой женщины значилась мотивационная цитата из разноцветных букв. Ну какая из нее аферистка?

С Лиэнн – так звали хозяйку – я договорилась встретиться утром перед приездом грузчиков, а первую ночь в Вашингтоне провела у Кэт, моей подруги по колледжу. Когда же мы с ней виделись в последний раз? Года два назад, на свадьбе у Эмбер? Кажется, я еще тогда пыталась затащить Кэт на барную стойку... Когда я сказала, что переезжаю в Вашингтон, она, не раздумывая, предложила оставаться у нее сколько понадобится.

Квартира Кэт находилась в ухоженном трехэтажном кирпичном доме. Она открыла мне дверь, и я удивилась, что подруга ничуть не изменилась: те же густые светлые волосы, ниспадающие на плечи естественными волнами (предмет моей зависти), лицо без макияжа, длинные руки и ноги. Она была одета в хлопковую рубашку без рукавов и розовые шорты.

– Кэт! Как же я рада тебя видеть!

– Я тоже! – Она прижала меня к себе и окутала цветочным ароматом. Я и забыла, что Кэт такая высокая – моя голова уперлась ей в ключицу. – Заходи. – Мы поднялись по лестнице к ее квартире. – Как доехала?

– Ну, не считая песика Чи-Чи, в поезде было... – Я замолчала, заметив смущенное выражение на лице Кэт. – Не видела? Я же выкладывала в Инсте.

Она покачала головой.

– Я им особо не пользуюсь.

– Точно, у тебя странные отношения с соцсетями, – поддразнила я.

– Просто...

– Да не волнуйся, Кэт, я пошутила. Ого! Классная берлога.

Весь этаж занимала студия, залитая мягким желтоватым светом из огромного окна. В зоне гостиной у кирпичного камина, заставленного свечами кремового цвета, стоял светло-серый диван – я видела такой в журнале и давно о нем мечтала. В другом углу расположилась кухня с техникой из нержавеющей стали, кофемашиной и навороченным блендером. Винтовая лестница вела на второй этаж.

– Потрясающе, – с восхищением (и капелькой зависти) сказала я и провела рукой по мягкой поверхности дивана. – Жаль, что ты не блогер. Фотка этой гостиной – или даже одного камина – запросто набрала бы тысячу лайков.

Кэт засмеялась.

– Мой дизайнер была бы рада такое услышать.

– А, так ты кого-то нанимала? – Я с облегчением выдохнула, хотя и не удивилась. Специалистом по стилю милашка Кэт все же не стала. Никакого воображения – она из тех девушек, что заходят в магазин и покупают наряд как на манекене. К тому же Кэт, работавшая в какой-то крутой юридической фирме, могла себе позволить услуги дизайнеров. Да и семья у нее не из бедных. Помню, в студенческие годы только Кэт носила настоящие брендовые вещи, и я все удивлялась, почему она, такая умная, целеустремленная и богатая, пошла учиться в государственный колледж. Наверное, в частный ее не взяли, потому что бедняжка завалила собеседование.

– Как будто у меня есть время самой этим заниматься. Идем, покажу твою комнату.

Наличие комнаты для гостей впечатляло. Я-то с трудом находила запасное одеяло, если кто-то из подруг оставался на ночь – и спать им приходилось на диване.

Я пошла следом за Кэт по узкой винтовой лестнице и тут же схватилась за перила.

– Ух! Опасная конструкция.

– Да, в одних носках по ней лучше не спускаться, – ответила подруга с виноватой улыбкой.

Наверху сквозь первую приоткрытую дверь я увидела сияющую белую плитку и краешек винтажной ванны. Вторая дверь вела в гостевую спальню.

– Ну как, устраивает? – спросила Кэт, когда мы зашли в комнату.

– Более чем, – сказала я, осмотревшись.

Здесь, как и в остальной квартире, чувствовалась рука профессионала: четкие линии, мягкие ткани, продуманные акценты. Большую часть комнаты занимала низкая кровать в скандинавском стиле, накрытая серым одеялом. На минималистичном прикроватном столике стояла ваза со свежими цветами. Но кое-что не вписывалось в обстановку.

– Не может быть! – засмеялась я, взяв в руки рамку с фотографией, сделанной на вечеринке в колледже. Мы с Кэт выглядели полными противоположностями: она в светло-голубом платье с волосами, собранными в пучок, я в обтягивающем черном платье и с распущенными волосами. Я тогда два дня подряд только пила воду с лимоном, чтобы влезть в этот наряд. – Какие же мы тут дети.

– Да, первый курс, – нежно улыбнулась Кэт. – Восемь лет прошло, представляешь?

– Не верится. – Я села на кровать и сняла босоножки. – Еще раз спасибо, что разрешила переночевать.

– Можешь оставаться сколько захочешь. Seriously, я все равно почти не пользуюсь этой комнатой. – Она робко добавила: – Вспомним старые времена...

– В смысле, будем пить шнапс и смотреть «Сплетницу»? – со смехом отозвалась я. – Заманчивое предложение, но завтра утром ко мне уже приедут грузчики.

– До сих пор не могу поверить, что ты сняла квартиру вслепую, – обеспокоенно сказала Кэт. – Вдруг ее вообще не существует?

– Не переживай, деньги я пока не переводила. Проверила адрес в интернете и нашла информацию о хозяйке, милой старушке по имени Лиэнн...

– Твоя старушка может оказаться кем угодно. Даже маньяком!

Я пожалала плечами.

– Без риска никуда. Знаешь, как я всегда говорю...

– ...что не убивает, делает тебя интереснее, – закончила Кэт мою фразу. – Будем надеяться, что квартира тебя порадует.

Приглашение остаться у Кэт было невероятно заманчивым, и на мгновение в голове мелькнула мысль, не отказаться ли от арендованной квартиры. Но я не продержалась бы наедине с Кэт и пары дней. И дело не в том, что она плохая соседка. Наоборот, *слишком* хоро-

шая. Когда мы жили вместе, она стирала мои вещи, наливала мне чай и спрашивала, где это я гуляла допоздна. Прямо как мама, только придинок меньше.

Конечно, этого я ей не сказала. Кэт ведь хотела как лучше, тем более она была эмоционально зависимой. Как вспомню первый день распределения по сестринским сообществам в колледже... Я стояла перед зданием «Каппа-Гамма-Альфа», в которое хотела попасть (в итоге так и получилось), и, истекая потом на жарком августовском солнце, осматривала других претенденток – к счастью, не особо примечательных. В этот момент я и поймала взгляд Кэт.

Я вспомнила, что видела ее в общежитии, и быстро отвернулась в надежде, что она не подойдет. Вроде нормальная с виду девчонка, но вела себя как-то неестественно и все время подкрадывалась к людям. Просто подходила сзади, кивала, будто принимая участие в разговоре, и улыбалась странной вымученной улыбкой.

Когда из дома вышли поющие «сестры», я глянула через плечо на Кэт, давая понять, что не надо липнуть ко мне. Она жутко покраснела, ее голубые глаза загорелись от обиды – видимо, она все поняла по моему лицу. От чувства вины стало тошно, но что мне еще было делать? Не могла же я позволить, чтобы какая-то незнакомка разрушила мои планы по вступлению в престижное женское сообщество.

Знай я про ее наследство, вела бы себя иначе.

В день вступления в сестринство глава «КГА» появилась перед нами в шикарном платье самого маленького размера и, сложив вместе наманикюренные ручки, начала разглагольствовать о том, как они рады принять нас к себе и как им везет на таких замечательных девушек. Потом все разбились на небольшие группки, а Кэт осталась одна. С ростом под метр восемьдесят трудно было слиться со стеной, хотя именно к этому она и стремилась.

Нелегко ей тут придется.

А потом вспомнила ее обиженный взгляд и устыдилась. Разве я не обещала себе, что в колледже перестану стервозничать? Не прошло и пары недель, а я опять за свое!.. Я прервала беседу об искусственном загаре и подошла к Кэт.

– Я Одри. Мы живем на одном этаже.

– Да, знаю, – робко отозвалась она, опустив голову так, что густые волосы закрыли лицо.

«Черт возьми, сколько можно изображать застенчивого ребенка!» – чуть не крикнула я, но вместо этого широко улыбнулась и сказала:

– Видимо, мы теперь сестры.

Глава 4

Кэт

Меня всегда поражала готовность Одри идти на риск – похоже, она считала себя практически бессмертной. До сих пор становится дурно, когда я вспоминаю, как на последнем курсе мы поехали на фестиваль Марди-Гра в Новый Орлеан и Одри сбежала от меня с парнем, которого встретила на Бурбон-стрит. Она только рассмеялась, когда я попыталась остановить ее, назвав меня чересчур беспокойной, да еще поклявшись убить меня, если я расскажу Нику. Следующие четыре часа я не находила себе места и уже собиралась звонить в полицию, когда наконец-то на пороге нашего гостиничного номера появилась хихикающая Одри в надетой наизнанку рубашке.

Но даже зная о ее любви к опрометчивым решениям, я все равно не могла поверить, что она сняла квартиру вслепую. Она посмеялась над моим беспокойством и еще раз заверила, что погуглила имя хозяйки, проверила, что фотографии из объявления нигде больше не встречаются, посмотрела панораму улицы на гугл-картах – ничего подозрительного.

Хотя выбор района меня порадовал. Логан-серкл – оживленный и в то же время безопасный район. Большинство домов в этом районе были либо классическими таунхаусами, либо новостройками, так что ее квартира почти наверняка была приличной, если только ей ужасно не повезло. Кроме того, ее новый дом был всего в нескольких кварталах от моего, и меня радовало, что Одри будет жить поблизости. Может, наша дружба возродится, и мы, как прежде, станем вместе ходить на маникюр, завтракать в кафе и танцевать в пижамах под песни Бритни Спирс. В вечер приезда Одри мы открыли бутылку вина, затем еще одну, рассказывали друг другу о случившемся в жизни каждой из нас за последние годы, и все было прямо как в старые времена. Меня переполняло счастье.

Утром, преодолевая головную боль и похмелье, я пошла вместе с Одри на встречу с ее квартирной хозяйкой, надеясь, что эта Лиэнн действительно окажется той, за кого себя выдает, и что беспечное отношение подруги к выбору квартиры не обернется проблемами. Болтая о чем-то, мы свернули на нетипичную для центра города тихую узкую улочку с яркими домами и зелеными деревьями. Одри вдруг остановилась на полуслове и стала проверять адрес в телефоне.

– Это здесь. Дом, милый дом.

Перед нами стояло живописное четырехэтажное здание из светло-бежевого кирпича с черными ставнями, через небольшой зеленый дворик ко входу тянулась тропинка. У дома росли кустарники, окна верхних этажей были украшены ящиками с цветами.

– Симпатично, – выдохнула я с облегчением. – Какая квартира?

– Апартаменты «А». Наверное, на первом этаже?

Я вздрогнула, уверенная, что буква вовсе не означала этаж.

– Зацени подземелье. – Одри кивнула в сторону железной калитки под лестницей, за которой виднелась ярко-голубая дверь цокольного этажа.

– Э-э... – пробормотала я и неохотно указала на букву «А» над звонком рядом с калиткой.

– А, так это *мое* подземелье.

Я посмотрела на нее с сочувствием, но Одри не обратила внимания.

– Лиэнн велела звонить в квартиру один.

Стиснув зубы, Одри поднялась по лестнице, возвещая о своем прибытии топотом сандалий на платформе. Она нажала на кнопку звонка и повернулась ко мне с явно фальшивой улыбкой, от которой не осталось и следа, когда дверь открыл худой жилистый парень лет два-

дцати пяти. Сальные темные волосы были собраны в пучок, из-под майки выглядывала татуировка какого-то крылатого существа – то ли орла, то ли дракона. В руке с грязными обкусанными ногтями он сжимал банку энергетического напитка.

– Извините, я, наверное, не туда позвонила, – пробормотала Одри. – Я ищу Лиэнн Ло...

– Бабуля! – крикнул парень через плечо, а потом с головы до ног осмотрел мою подругу бегающими мутными глазками. – А вы, значит, новая квартирантка.

От его дикого взгляда у меня по спине побежали мурашки, Одри же оставалась, как всегда, невозмутимой.

– Доброе утро! – раздался певучий голос, и в дверях показалась низенькая улыбчивая женщина с морщинистым лицом и ярко-бордовыми волосами. – Вы, должно быть, Одри. Сейчас возьму ключи, и спустимся в квартиру. Это мой внук Райан. Он живет на первом этаже.

Лиэнн поспешила обратно в дом, а Райан снова уставился на Одри и улыбнулся, обнажая ряд мелких желтых зубов.

– Ну, привет, соседка.

Я с тревогой подумала, что именно поэтому и нельзя снимать квартиры через интернет.

– Передайте бабушке, что я буду ждать внизу, – резко ответила Одри и, развернувшись, сбежала вниз по ступенькам. Завязанные в хвост волосы покачивались в такт ее шагам. Одними губами она прошептала в мою сторону: – О мой бог!

– Ты не обязана тут жить, – прошипела я. – Давай я взгляну на договор, там наверняка есть пункт о его аннулировании или...

– Да все в порядке, – перебила она. – Видела бы ты моих соседей в Нью-Йорке. По сравнению с ними этот парень просто душка.

– Иду-иду-у, – пропела в этот момент Лиэнн, ковыляя вниз по лестнице.

Она открыла калитку, затем саму дверь – такую малюсенькую, что мне пришлось пригнуться, – и впустила нас с Одри в квартиру. Я глубоко вздохнула, ожидая увидеть типичное полуподвальное жилище, мрачное и унылое. Но, к моему удивлению, мы попали в просторную квартиру со свежим ремонтом. Начищенные деревянные полы, обновленная бытовая техника на небольшой кухоньке, лимонный запах чистящего средства. Хотя единственное окно в гостиной было зарешечено и частично закрыто кустами, комната была залита солнечным светом.

– А зачем решетки? – спросила Одри.

Лиэнн открыла дверцу стенного шкафа.

– Тут раньше была прачечная.

Хозяйка показала квартиру – отдельно обратив наше внимание на наличие посудомоечной машины, душ с эффектом дождя и вместительный шкаф, – а потом вложила ключ в ладонь Одри и сказала:

– Если что-то понадобится, заходи.

Когда Лиэнн радушно помахала нам на прощание и захлопнула дверь, я заметила в ней еще три замка.

– Спроси ее насчет остальных ключей. А вообще местечко потрясающее.

– С «потрясающим» ты преувеличила, – засмеялась она, – но на первое время сойдет. Потом найду что-нибудь более высокого уровня... Во всех смыслах этого слова.

– Не забывай, мои двери всегда для тебя открыты. Если тут не понравится...

– Спасибо, дорогая. – Одри взяла меня под руку и потащила в сторону спальни. Хватка у нее была сильная – занятия пилатесом не прошли зря. – Давай помоги мне решить, куда поставить кровать.

Спальня оказалась еще более светлой, чем гостиная. В таких домах боковые стены общие на два дома, так что обычно окна выходят только на улицу и на задний двор. Однако в спальне Одри было целых два окна: одно, маленькое и узкое, со стороны двора и еще одно, побольше, сбоку.

– Оно выходит в переулок, – недовольно заметила я.

Одри лишь пожала плечами.

– Да, я еще снаружи заметила. Но это совсем крохотная улочка. Вряд ли здесь всю ночь будут ездить машины.

– Меня не машины волнуют, – пробормотала я и выглянула наружу, прижавшись лицом к стеклу. – Вроде бы с обеих сторон ограждение, но надо как можно скорее повесить шторы, а то...

Бах!

Мы с Одри подскочили от звука резко распахнувшейся двери и, переглянувшись, вышли в гостиную. На пороге стоял ее мерзкий сосед, по-прежнему вертя в руках банку энергетика.

– Стучаться не учили? – Одри возмущенно уставилась на него.

Тот смотрел на нее не моргая.

– Бабушка просила передать, что мусорные контейнеры за домом.

– Спасибо. В следующий раз стучись.

Райан лишь повел костлявым плечом.

– Кстати, спроси у бабашки, почему она дала мне всего один ключ.

– Так есть только один ключ.

– Но во входной двери три замка.

Едва сдерживая смех, он повторил:

– Есть только один ключ.

Глава 5

Одри

Я никогда не жила одна. Из родительского дома в пригороде переехала в общежитие Университета штата Огайо, а оттуда в Нью-Йорк, где отдельное жилье трудно себе позволить, даже если захочется. Первых нью-йоркских соседей я нашла по объявлению – парочка специалистов по рекламе искала третьего жильца в унылую тесную квартирку в Верхнем Ист-Сайде. Когда Иззи тоже надумала переехать в Нью-Йорк, я с радостью сбежала от них (и от вечно пустого холодильника). Вместе с подругой мы сняли однокомнатную квартиру в Чайна-тауне и разделили пространство, развесив простыни. Меня это, кстати, вовсе не смущало; напротив, мысль о том, что подруга спит совсем рядом, успокаивала. Я немного расстроилась, когда мы переехали в Ист-Виллидж в квартиру с двумя спальнями, хотя ни за что не призналась бы в этом Иззи.

Пока грузчики заносили коробки в мою новую гостиную, я забеспокоилась, что совершила ошибку и стоило принять предложение Кэт. Я не создана для жизни в одиночестве. Тишина меня убивает. Я вспомнила бабушку Ванду, которая перестала выключать телевизор после смерти деда. Мама ругалась, мол, она только расходует электричество, а я ее понимала. Без сериалов и ток-шоу, без этих голосов, которые составляли ей компанию, бабушка Ванда сошла бы с ума.

После отъезда грузчиков я ходила в супермаркет за самым необходимым: дешевым вином, замороженной индийской едой и моими любимыми крекерами в форме зверюшек (Ник, мой бывший, вечно шутил по этому поводу: «Разве можно считаться вегетарианкой, если ты ешь такие крекеры?»). Вернувшись из магазина, я рухнула на кровать – другой мебели у меня пока не было – и сделала несколько глотков вина прямо из бутылки, не найдя сил на поиски коробки с посудой.

Я пролистала ленту Инстаграма, лайкнув чудесные снимки природы и собачек, а также фотографии круглощеких детишек моей сестры Мэгги с перепачканными едой лицами. Потом увидела пост Иззи. Снимок ужина на двоих, сделанный сверху: две тарелки с овощным салатом и ломтиками стейка с кровью, два бокала темно-красного вина и ломтики французского багета на деревянной разделочной доске. Знакомые тарелки – одна синяя, другая зеленая. Мы с Иззи вместе выбрали их на блошином рынке в Бруклине, и подруга настояла на том, чтобы заплатить за покупку, а потом, когда я хотела забрать одну из них, заявила, что они не мои. Я показала ее снимку средний палец и продолжила листать ленту: снова фотки собак, дорожные туфли, претендующий на художественность снимок коктейля из бурбона, сделанный моей подругой Ханной. Эх, бедняжка так ничему и не научилась. Она уже четыре года ведет блог «Ханна в городе», но не сумела его раскрутить. Почти все ее фотографии были однотипны: плохо поставленные кадры, неудачное освещение, никакого внимания к деталям. Я всегда уходила от ответа, если она предлагала написать гостевой пост для моего старого блога или просила «одолжить» на день мой аккаунт в Инстаграме.

Хотя просьбы Ханны меня не удивляли – у нее очень мало подписчиков, а у меня их больше миллиона. Правда, на это ушли годы упорной работы, поэтому я рьяно оберегаю свой профиль и не доверю его беспечному человеку.

Я не всегда щепетильно относилась к своим публикациям. Как и большинство девчонок, я завела блог в конце 2000-х и публиковала в нем всякую ерунду: ужасные стихи собственного сочинения, мемы³, слегка завуалированные сплетни о друзьях («Лаванда переспала с очеред-

³ Мем, или интернет-мем, – как правило, остроумная или ироническая фраза или картинка, спонтанно приобретающая

ным парнем из худшего братства кампуса», – писала я, будто Жасмин не сообразила бы, что на самом деле это про нее). Я была той еще сплетницей, но не потеряла из-за блога ни одной подруги – наверное, его просто никто не читал. В день он набирал всего пару уникальных просмотров. По сути, я кричала в черную дыру.

Потом я переехала в Нью-Йорк и начала копировать популярных лайфстайл-блогеров⁴. Потратилась на дорогуший фотоаппарат и стала выкладывать «луки⁵ дня» и снимки еды (только треть моих обедов была достойна упоминания в блоге, так как в основном я питалась попкорном и недорогим вином). Больше года я развивалась в этом направлении, но ничего не добилась. Я совсем разочаровалась в блогерстве, и это оказалось лучшим, что могло со мной случиться. Я перестала следовать чужим правилам и решила делиться тем, что мне *действительно* было интересно – причудливые арт-инсталляции, классные вещи со скидками, любимый китайский ресторанчик.

А затем я познакомилась с Эль Нгуен, автором первоклассного блога о моде. Мы встретились в галерее, где я тогда работала, и нашли общий язык на почве восхищения скульптурами в смешанной технике и неприязни к одному третьесортному блогеру, который выкладывал только спонсорский контент. Эль взяла меня под свое крыло, рассказала о лучших приемах в ведении блога, познакомила кое с кем из полезных людей и, что самое главное, в одном из постов дала ссылку на мой профиль.

Количество подписчиков возросло в одночасье. Поездок в Милан никто не предлагал, зато появились предложения от компаний, которые хотели сделать меня лицом фирмы, а в почту посыпались письма от представителей разных брендов, желающих со мной сотрудничать. Я всерьез подумывала о том, чтобы бросить работу и посвятить все свои усилия тому, чтобы стать настоящим инфлюенсером⁶ – на этом можно заработать хорошие деньги, – но как представила, что придется писать бездушные хвалебные рекламные... Да и отказываться от медицинской страховки и стабильной зарплаты тоже не вариант.

Все еще думаю, что приняла правильное решение. Оставшись верной своему пути, я получила увлеченных и преданных подписчиков.

Я сделала еще глоток из горла и засмеялась. Не самое мотивирующее занятие – пить вино, сидя на незастеленной кровати, но в этом вся прелесть интернета: мои подписчики видят только то, что я позволяю им увидеть.

Когда я отвечала на комментарии к последнему посту, кто-то позвонил в дверь. Звук был крайне неприятный и напоминал стон умирающего кота. Надо бы спросить Лиэнн, можно ли его поменять. Я снова уткнулась в экран телефона. Я ведь никого не ждала. Наверное, нажали по ошибке.

Скрип.

Я прислушалась. Неужели кто-то открывает мою калитку? Вспомнились слова Кэт о переулке и окне без штор, и меня накрыло волной страха. Одной рукой я крепко ухватила горлышко бутылки, в другой сжала мобильный – экран разблокирован, чтобы быстро набрать полицию. Я слезла с кровати и как только вышла в гостиную, входная дверь распахнулась. Я уже готова была пустить в ход свое импровизированное оружие, но узнала в злоумышленнике новоиспеченного соседа, внука хозяйки.

– Какого черта?! – Я опустила руку с бутылкой. – Говорила же, надо *стучать*.

Он поморгал воспаленными красными глазами и осмотрелся.

– Я слышал какой-то шум.

популярность, распространяясь в интернете.

⁴ Лайфстайл-блогер – автор, постоянно освещающий свою повседневную жизнь с акцентом на красивые фотографии.

⁵ Лук (англ. *look* – вид, образ) – образ блогера из одежды, аксессуаров, прически и т. п.

⁶ Инфлюенсер (от англ. *influence* – влияние) – блогер, имеющий обширную и лояльную аудиторию, лидер мнения.

– Не было никакого шума.

Я пыталась преградить ему дорогу, но Райан проигнорировал меня и вошел в квартиру, глянув на коробки, направился в кухню.

– Эй! – Я со стуком поставила бутылку на пол. – Нельзя просто так входить сюда без приглашения.

– Я позвонил в звонок, – ответил он, потянувшись к упаковке крекеров-животных.

– А я не открыла, потому что не жду гостей. И незваных соседей тоже. – Я протянула руку. – Давай свой ключ и уходи. Иначе я позову твою бабушку.

Райан ухмыльнулся.

– Ну чего ты, я просто хотел проверить, как тут новая соседка. По-дружески. А дверь ты сама оставила незапертой.

– Да конечно!

– Хочешь совет? – спросил он, похрустывая крекером. – Калитку и дверь мало просто захлопнуть, надо закрыть замок.

Может, я правда про это забыла? Раньше я всегда жила в квартирах, где двери запирались при захлопывании.

– Не за что, – добавил Райан. Он сунул в рот еще один крекер и неспешно побрел к выходу. В дверном проеме обернулся и одарил меня улыбкой во весь рот – в зубах застряли крошки. – Спокойной ночи, соседка.

Я вздрогнула. Жутковатый тип. Не желая показывать Райану свой испуг, я с каменным лицом вышла вслед за ним, заперла калитку и хорошенько потрясла, чтобы проверить, надежен ли замок.

– Так-то лучше, – усмехнулся он.

Я показала ему средний палец и пошла обратно в квартиру. Райан смотрел мне в след. Трясущимися руками я закрыла замок, наконец услышав успокоительный щелчок.

Глава 6

Кэт

После происшествия в летнем лагере «Блэквуд» родители отвели меня к врачу, который поставил диагноз «социальное тревожное расстройство». Я жутко взбесилась, так как считала, что со мной все в порядке. Впрочем, благодаря лечению я стала реже ощущать беспокойство в компании ровесников и была вынуждена признать, что доктор, по-видимому, был прав. В конечном итоге я осознала: время от времени все испытывают тревогу, у меня она просто сильнее. Многие люди чувствуют напряжение во время социальных взаимодействий, и все время от времени нервничают. Даже такие люди, как Одри, которая прячет страхи за напускной храбростью и сарказмом, иногда испытывают беспокойство.

Со стороны Одри казалась абсолютно невозмутимой. Только когда мы стали вместе жить в общежитии, я поняла, что вся эта ее беззаботность – просто маска, и начала замечать, как она иногда прикусывает щеку изнутри, или как ее истинные эмоции на мгновение проступают на лице, а через секунду губы уже расплываются в улыбке. Стыдно признаться, но мысль о том, что даже Одри не идеальна, меня утешала. Под маской показного блеска и харизмы она была самым обычным человеком. Лишь хорошо ее зная, можно увидеть, как трескается этот образ. Например, когда Одри поняла, что сняла квартиру в подвале, в ее светлых глазах промелькнуло беспокойство. Однако исчезло оно так быстро, что большинство бы и не заметили – но я-то ее лучшая подруга.

Правда, мне все было понятно и без тревоги во взгляде Одри. Когда она ночевала у меня, часа в три ночи я проснулась и пошла в туалет – и вдруг услышала, что в комнате для гостей кто-то разговаривает. Я приоткрыла дверь: Одри лежала на кровати с закрытыми глазами, но ее губы шевелились. Она бормотала какую-то бессвязную ерунду, а потом вдруг отчетливо произнесла: «Мне страшно».

В колледже Одри тоже разговаривала во сне. Ее ночные высказывания обычно были неразборчивы, но часто это были вариации фразы «Мне страшно». Сначала я думала, ей снятся кошмары, а потом заметила, что ночное бормотание сопутствует особенно сложным периодам жизни: сессии, выпускным экзаменам, получению диплома. Она хорошо скрывала беспокойство, поэтому и проявлялось оно только во сне. Я бы душу продала за умение делать такое непроницаемое лицо.

Вот бы хоть разок Одри позволила себе быть немного уязвимой и призналась, что ей страшно! Ну зачем притворяться, что подвальная квартира с выходящим в переулок окном и подозрительным соседом – это нормально? Пожила бы у меня! В колледже Одри единственная предложила мне руку помощи. Ее дружба спасла меня. Благодаря Одри я преодолела трудный переходный период и теперь была полна решимости вернуть этот долг.

Глава 7

Он

Я, как и все подписчики Одри, знал, что она переехала в Вашингтон. Она рассказала об этом в одном из прямых эфиров в Инстаграме. Очарованный ее бледными веснушчатými плечами, открытыми в белом платье на тонких лямках, и ниспадающими золотисто-рыжими волосами, я едва не пропустил ее слова. Несколько дней подряд Одри обещала вскоре поделиться «потрясающей новостью» – я думал, она запланировала какую-то поездку, ведь прежде она проводила подобные трансляции перед путешествиями в Лондон и Майами. Поэтому, когда с ее сверкающих губ сорвались слова о переезде сюда, у меня в мозгу произошло короткое замыкание. Я раз двадцать пересмотрел запись, пока не осознал, что это правда: Одри действительно скоро будет здесь. С каждым просмотром сердце стучало все быстрее и громче.

Я отметил в календаре день ее приезда и начал заходить в Инстаграм каждый час (а то и чаще) в ожидании ее новых постов или сторис. Чем меньше времени оставалось до прибытия Одри, тем сильнее меня трясло от предвкушения. Еще три дня, два, один – и вот она тут. Доказательства были неопровержимы: она выложила фотографию из модной кофейни «Коламбия Брюс» на Логан-серкл и снимок грузчиков в одинаковых футболках, заносащих коробки в ее квартиру.

Одри занимала все мои мысли. С каждым вдохом я думал лишь о том, что дышу одним с ней воздухом. С каждым рассветом понимал, что солнечные лучи заливают ее спальню в одно время с моей. Каждую секунду представлял, как столкнусь с ней на улице. От волнения я запинаясь в беседах с родными за ужином, а в ответ на рабочие письма писал какую-то ерунду.

Я не мог больше ждать. Она же в моем городе, совсем рядом. Надо было что-то делать.

Глава 8

Одри

Невозможно запечатлеть на телефон масштаб монументального здания Хиршхорна – приподнятого бетонного колеса, возвышающегося среди других музеев на Национальной аллее. После нескольких неудачных попыток я решила заснять хотя бы известную скульптуру, стоящую у входа: черный «дождь-спирит» 92-го года, раздавленный огромным валуном с нарисованной мордочкой. Я отметила местоположение, добавила анимированное сердечко и загрузила фотку в сторис.

Убрав телефон в сумку, я посмотрела сквозь стеклянные стены и заметила, что Аяла, моя новая начальница, уже ждет меня внутри. Она была так же эффектна, как и во время собеседования, – белоснежное платье-футляр, черные волосы забраны в пучок, на губах ярко-красная помада. Я едва удержалась, чтобы не помахать ей, и вместо этого заставила себя кивнуть и улыбнуться. Надо было сохранять внешнюю невозмутимость, как бы на самом деле я себя ни чувствовала. Во-первых, стояла ужасная жара, а влажность зашкаливала. Наряд, который я так тщательно выбирала – укороченные свободные черные брюки, черный облегающий топ и тонкая накидка-кимоно с дерзким рисунком в виде птичек – прилип к телу, едва я вышла на улицу, а волосы распушились от влажности.

Во-вторых, я вся была на нервах. Меня ждала работа в одном из лучших музеев страны, о такой я могла только мечтать, но вдруг я не справлюсь? Вдруг я не готова? Тем более у меня нет магистерской степени. А если меня сочтут самозванкой? Не возвращаться же мне в Нью-Йорк, умоляя Иззи пустить меня в мою прежнюю комнату. Мне захотелось поискать в сумке успокоительные таблетки, припрятанные там вместе с крекерами... Но Аяла стояла в дверях, и я не осмелилась. Я глубоко вдохнула и, наклеив на лицо улыбку, вошла в образ уверенной в себе элегантной женщины, которой была в интернете.

– Одри, рада снова тебя видеть. – Длинные неоновозеленые ногти Аялы впились в мою ладонь, когда она пожала мне руку.

– Я тоже очень рада. Как же здорово оказаться здесь.

– Мы от тебя в восторге, – продолжила она, и ее дружелюбный тон помог мне хоть немного успокоиться. – Один мой знакомый из Нью-Йорка, владелец галереи, дал мне ссылку на твой профиль в Инстаграме еще несколько лет назад, и я просто влюбилась в твой стиль. Так *дерзко*. Увидев твоё резюме, я сразу поняла, что ты создана для этой работы. Ты не воспринимаешь себя чересчур серьезно. – Аяла замолчала, слегка нахмурившись, и я незаметно оглядела свой наряд – что не так? – Сразу признаюсь, что не все меня поддержали. Кое-кто придерживается более традиционного мнения и предпочел бы найти человека с соответствующим образованием и опытом работы в музее. – Она положила руку мне на плечо и сжала так, что я дернулась. – Но я отстаю твою кандидатуру.

Я нервно сглотнула и улыбнулась пошире.

– Очень вам благодарна. Вы не пожалеете. У меня есть некоторые идеи...

– С удовольствием их выслушаю, – перебила Аяла. – Только сначала – приветственная экскурсия.

Познакомив меня с постоянной экспозицией и новыми коллекциями, Аяла остановилась у выставочного зала, вход в который преграждал серый занавес. На небольшой черной табличке было написано: «ВЫСТАВКА ЗАКРЫТА».

– Хочешь потрясающую новость? Полагаю, ты слышала об Ирине Венн?

– Конечно. Я была волонтером в Музее современного искусства, когда там проходила ее выставка «Пропущенные звонки» – разобранные на части телефоны и все такое.

– Да-да, – кивнула Аяла. – И что ты о ней думаешь?

– По-моему, она чертовски гениальна.

Аяла склонила голову набок, точно кошка, заметившая птичку, и внутри у меня все сжалось. Вот идиотка! Можно было бы не чертыхаться в разговоре с начальницей в первый же рабочий день. Суперпрофессионально. Рука так и тянулась за успокоительным, но я сдерживалась, а на лицо нацепила маску усталого равнодушия. Вроде как ничего и не случилось, все в порядке.

Внезапно Аяла широко улыбнулась.

– Тогда тебе понравится. – Она сдвинула часть занавеса в сторону и скользнула за него, приглашая меня следом. – Вот оно – место для новой инсталляции Ирины Венн, – с благоговением произнесла раскрасневшаяся Аяла, обводя взглядом тусклое помещение.

Выставка еще не была готова – никаких табличек и подписей. В зале поставили несколько пьедесталов, на которых разместились диорамы в стеклянных витринах. На первый взгляд, они напоминали миниатюрные комнаты из Чикагского института искусств, куда я ездила с семьей еще в начальной школе. Меня тогда поразила детально проработанная обстановка этих комнат, и, вернувшись домой, я создала свою коллекцию: расставила кукольную мебель по обувным коробкам. Просуществовала моя выставка ровно до того момента, как Мэгги обнаружила, что ее тщательно обставленный кукольный домик был разграблен.

– Кукольные домики? – предположила я.

– В каком-то смысле, – ответила Аяла с улыбкой. – Идем.

Она отвела меня в дальний угол зала, где стояла одна из последних диорам, и я заглянула внутрь. В этой комнатке, в отличие от идеальных экспонатов в институте искусств, царил беспорядок: смятое белье на маленькой кровати, крошечные тюбики из-под косметики разбросаны по миниатюрному туалетному столику, кукольного размера платье висит на спинке стульчика.

– Это же...

Я замолчала, увидев темно-красное пятно на ворсистом ковре, и наклонила голову, чтобы получше все рассмотреть. Под малюсенькой кроваткой лежало что-то бледное и...

От неожиданности я отскочила.

Аяла засмеялась.

– Познакомься, это Розалинда.

– Она что... мертва? – спросила я, снова подаваясь вперед, чтобы присмотреться к окровавленной кукле. По спине побежали мурашки.

– Да. Бедняжка Розалинда. Выставка называется «Жизнь и смерть Розалинды Роуз», – сказала Аяла, разводя руки в стороны, будто разворачивала баннер. – Розалинда – персонаж вымышленный, но в основу легла история о настоящем убийстве француженки по имени Колеетт Буше.

– Я про нее читала, – кивнула я, все еще разглядывая застывшее лицо куклы. – Актриса, которую убил помешанный на ней фанат?

– Верно. Как видишь, нашу несчастную Розалинду ждет та же участь. Когда все диорамы будут установлены, посетители смогут проследить за ее жизнью. Вот девочка уезжает из родного города в Лос-Анджелес, стремится к успеху, наконец добивается славы, – только представляла она все совсем не так. И в финале – безвременная кончина.

– Это невероятно. – Я с восхищением смотрела на миниатюры. – Хотя история жутковатая.

– Именно. Думаю, популярность художницы, ее несравненная работа и провокационный сюжет привлекут на выставку толпы. – Аяла сложила ладони вместе и широко улыбнулась мне. – Как раз тут в игру вступаешь ты. Это будет отличный материал для соцсетей.

– Когда открытие? – спросила я, осматривая зал и пытаясь понять, сколько здесь еще предстоит работы.

– Через два месяца. Но тебе нужно уже сейчас активно взяться за продвижение во всех наших социальных сетях. – Нахмурившись, она добавила: – Не стану вдаваться в детали, но у нас возникли некоторые проблемы, и теперь мы ужасно отстаем от графика. Главная задача – успех Розалинды. Я уверена, ты представляешь, какой мы понесем урон, если выставка такого масштаба провалится.

– Естественно. Можете на меня рассчитывать.

– Рада слышать. – Аяла прошептала, наклонившись ближе: – Кстати, между нами: если все получится, тебя ждет повышение.

– Повышение?

Час назад я переживала, что буду уволена в первый же день, а мне уже говорят про новую должность.

– Знаю, так не принято, – продолжила Аяла с улыбкой на ярких губах, – но ходят слухи, что директор по цифровому контенту скоро займет более высокий пост. А у меня хорошее предчувствие на твой счет ... Если тебе удастся меня впечатлить...

– Приготовься удивляться, – бодрым голосом ответила я, хотя внутри у меня все дрожало. Социальные сети кое-чему меня научили: напускная уверенность иногда не менее – а то и более – важна, чем истинная.

Глава 9

Одри

Я уже представляла это повышение, воображая, как говорю: «Здравствуйте, я Одри Миллер, директор по цифровому контенту музея Хиршхорна». «Директор» впечатляет больше, чем «администратор», а «цифровой контент» звучит куда серьезнее по сравнению с «социальными сетями». Мне не терпелось рассказать обо всем маме, которая считала, что я «зря трачу время» на Инстаграм и вообще страдаю от «интернет-зависимости». Но благодаря этому у меня работа мечты и, может быть, повышение в рекордные сроки! Только сначала надо справиться с первым проектом и успешно провести в соцсетях рекламную кампанию выставки Ирины Венн.

Все утро ушло на заполнение документов и краткое обучение. Мне так не терпелось приступить к работе, что я решила пропустить обед. С телефоном и крекерами я вернулась в закрытый выставочный зал.

В темной комнате выстроился ряд стеклянных витрин, рассказывающих роковую историю – интригующую и в то же время отталкивающую. Я подошла к одной из диорам и заглянула внутрь: Розалинда сидит на небольшом потертом диванчике и читает сценарий, светлые волосы накручены на крошечные бигуди, на облезлом столике – баночка диетической колы. Конечно, все это не по-настоящему, и тем не менее живот скрутило при мысли о том, что прототип Розалинды – реальная женщина. Мне казалось, что я подглядываю за чужой трагедией.

Чтобы избавиться от тревоги, я сунула в рот пару крекеров и сделал несколько снимков на телефон. Когда я фотографировала крошечное личико Розалинды, на котором застыла мечтательная улыбка – она и не подозревала, какие кошмары ждут ее впереди, – у меня по шее вдруг побежали мурашки.

Хватит переживать. Это просто искусство.

Я подошла к другой диораме, заглянула в комнатку и вскрикнула – сквозь стекло на меня смотрели чьи-то бесстрастные темные глаза.

От неожиданности я отшатнулась, а напугавший меня человек выпрямился. Это был парень лет двадцати трех. В темной одежде и с темными волосами до подбородка он сливался с полумраком помещения.

– Что вы здесь делаете? – спросила я, прижав руку к груди – сердце едва не выскакивало. Я постаралась добавить строгих ноток в голос: – Этот зал закрыт.

Он склонил голову набок, рассматривая меня.

– Вы знаете, кто я такой?

Я замялась. Вдруг он сотрудник музея? Заметив мое беспокойство, парень улыбнулся и сделал шаг в мою сторону.

– Какая сцена нравится вам больше всего?

От хищного взгляда его прищуренных глаз по спине побежали мурашки. Нет, он точно не один из моих новых коллег.

– Покиньте помещение, иначе я вызову охрану, – твердо заявила я.

– Не волнуйтесь. – Он поднял крупные ладони в знак притворной капитуляции. – Уже ухожу.

Я провожала его суровым взглядом, скрестив руки на груди. У выхода он обернулся.

– Мне нравится та, где за ее окнами стоит мужчина с топором в руках.

По его лицу медленно расплылась улыбка.

Я натянуто улыбнулась в ответ, стараясь скрыть страх.

– Приятной экскурсии по открытой для посетителей части музея.

Он ухмыльнулся и помахал.

– До встречи.

Сердце бешено колотилось в груди. Я вышла следом за ним и смотрела ему в спину, пока он не скрылся из виду.

После работы мой новый коллега Лоуренс, явно любитель модных очков и глупых шуток, пригласил меня отпраздновать мой первый день, и я сразу согласилась. Кэт все равно была занята сегодня вечером, а возвращаться в пустую квартиру я не спешила. Уже на выходе Лоуренса вызвали обратно решить какое-то срочное дело, и я решила подождать его на улице.

Я направилась в сад, расположенный между музеем Хиршхорна и Музеем искусств и промышленности. Этот зеленый оазис привлек мое внимание еще утром. Я вытащила телефон и сделала несколько кадров с пышными кустарниками, лианами и яркими цветами. Потом сделаю контрастность снимков более насыщенной и самый красивый выложу в Инсту. Каждый день я получаю десятки сообщений от подписчиков, желающих добиться того же художественного эффекта при редактировании фотографий, и все обещаю сделать пресеты⁷, да руки никак не доходят.

Когда я шла вокруг изысканного фонтана, урчание в желудке напомнило о пропущенном обеде. Надеюсь, мы с Лоуренсом пойдем в такое место, где можно не только выпить, но и поесть. Я достала из сумки крекер и едва поднесла его ко рту, как по спине и шее побежали мурашки. Я беспокойно осмотрелась – в саду никого не было, если не считать пары резвящихся в фонтане воробьев.

Я перевела взгляд на крекер – и опять появилось ощущение, будто за мной наблюдают. Это чувство ни с чем не спутаешь. Застыв на месте, я задержала дыхание и напрягла слух. Чьи-то шаги.

Резко обернувшись, я увидела лишь исчезающий за изгородью темный рукав.

Я поспешила следом – и выскочила на Национальную аллею, где было полно людей: фотографировались, прогуливались с детьми, шли, взявшись за руки. Конечно же, многие из них были в темной одежде. Невозможно понять, кто именно был в саду.

Может, мне вообще показалось. Я пыталась убедить себя, что это история Розалинды так на меня повлияла и встреча со странным типом.

И все же, несмотря на ужасную жару, я дрожала.

⁷ Пресеты (англ. *preset* – заданная установка) – фильтры для фотографий; готовый набор настроек яркости, контрастности, света, цвета, эффектов и т. д. Упрощают процесс обработки снимков.

Глава 10

Он

Я постоянно представлял себе смерть моих родственников. Например, подъезжаю я к просторному дому в пригороде, а он охвачен огнем – то ли утечка газа, то ли замыкание, – и все члены отвратительной семейки заперты внутри. Или как я сам добавляю в еду крысиный яд, а потом смотрю, как они медленно задыхаются.

Опасаясь повторения судьбы Рональда Дефео – убийцы из Амитивилля, застрелившего своих родителей, двух сестер и двух братьев, – я обратился за профессиональной медицинской помощью. В течение первых пяти минут приема психиатр сказал все, что мне нужно было знать: неуместные мысли (он называл их «навязчивыми») – это нормально, и они не означают, что я кого-то убью. Затем он добавил, что у меня есть нерешенная обида по отношению к семье, и предложил назначить еженедельные консультации за двести долларов в час. Я и без доктора знал, что родные меня раздражают, поэтому отказался. Вот оно мне надо – сидеть и выслушивать советы по налаживанию отношений с семьей от какого-то незнакомца? Мои близкие, в особенности родители, по эмоциональному интеллекту недалеко ушли от кошек. Они знали, что я чувствую, просто им было плевать.

Если бы не моя любовь к удобствам, я бы давно сбежал от них, однако ради денег, которые они мне давали, я переносил муки регулярных семейных ужинов в родительском доме. Приходили мои братья с женами и детьми, и все вместе мы делали вид, будто представляем собой настоящую ячейку общества.

Выдерживать эти встречи, не прикончив себя или кого-нибудь другого, было крайне сложно. Отец непременно доставал меня советами по поводу работы, а мать комментировала мою личную жизнь, точнее, ее отсутствие. Каждую неделю она жаловалась, что я никак не могу порадовать ее внуками, после чего Тэг, средний брат, обязательно добавлял: «Может, у него есть дети, только мы о них не знаем». Эта дурацкая шутка ему не надоедала, тем более отец и старший брат Саймон всегда одобрительно смеялись, мать возмущалась, а мне казалось, что я застрял во временной петле.

Эти вечера были настолько однотипны, что я мог в мельчайших деталях предсказать, о чем пойдет беседа, что приготовит мать и сильно ли она напьется. Поэтому когда Ли, жена Саймона, спросила, нет ли у меня кого на примете, я приготовился дать стандартный ответ: мол, хочу пока что сосредоточиться на карьере. Но не успел я открыть рот, как Эстер, семилетняя дочка Ли, вставила:

– Зачем ты все время его об этом спрашиваешь? Сама же знаешь, он отталкивает от себя людей.

Ли хватило приличия изобразить смущение, ведь Эстер наверняка повторяла слова, услышанные от родителей, тогда как все остальные согласно закивали.

– Вообще-то, я кое-кого нашел, – ответил я, разрезая стейк и представляя на его месте толстенькие пальцы моей племянницы.

Воцарилась тишина. Я сунул кусок мяса в рот и начал жевать.

– Это же замечательно, – наконец сказала Ли, перестаравшись с искренностью в голосе.

Сидевшая рядом с ней Ариэль, жена Тэга, ухмыльнулась. Судя по выражению ее лица, она мне не поверила.

Ну и зря. Можно сказать, что я встретился с Одри. Несколько не в том смысле, что подозревал Ли, но пройдет совсем немного времени, и все изменится.

– Неужели? – спросил Тэг, искоса глянув на Ариэль.

– И кто же эта счастливица? – вторил ему Саймон.

Я решительно покачал головой. Этим людям нельзя доверять и крупицу информации – они найдут способ все испортить.

– Ну же, Снупи, – поддразнила Ариэль, вспомнив мое детское прозвище, которое я много раз просил не использовать. – Чего ты?

Я с такой силой сжал под столом кулаки, что ногти вонзились в кожу. Боль помогла прийти в себя и подавить желание схватить Ариэль за наращенные желтые волосы и разбить ее лицо о фарфоровую тарелку.

– Нам ты можешь рассказать, – подхватил Тэг.

– Ладно вам, угомонитесь, – сказала Ли. – Хватит доставать беднягу Снупа. Только гляньте, как он покраснел!

Она сочувственно улыбнулась, а я испытывал по отношению к ней лишь одно – ненависть. Я всех их ненавидел: и самодовольных братьев с их женами-подлизами и жуткими детьми, и помешанных на своей репутации родителей. Я еще крепче сжал кулаки, отгоняя темные, наполненные яростью мысли.

– Мы просто прикалываемся, Снупи. Разве ты не любишь веселиться? – спросил Тэг. – Любишь ведь, правда, Снуп?

Я не мог открыть рот, из него бы вырвался первобытный крик. Ногти все глубже впились в кожу, из ран сочилась кровь, а я лишь натянуто улыбнулся братьям.

Мать, сидевшая во главе стола, поднялась.

– Кто-нибудь хочет еще выпить?

После ужина мы, как всегда, вышли на заднее крыльцо, где нас ждали десерт и фруктовый ликер. Ли и Ариэль неизменно отказывались от десерта и уходили присматривать за детьми, мать засыпала с рюмкой в руке, отец обсуждал с братьями какую-то статью из «Уолл-стрит джорнал». Я же совсем не разбирался в финансовых терминах, поэтому вышел из-за стола, чтобы отлучиться в туалет. Никто этого не заметил.

Проходя мимо гостиной, я услышал гнусавый голос Ариэль:

– Понятно же, что он все это выдумал.

Я остановился. Вены на шее вздулись от злости.

– Да ладно тебе, – возразила Ли. – Симпатичный парень, вполне способен кого-нибудь найти. Я думала, у него тогда все сложится с...

– Да, но не сложилось, – перебила Ариэль. – А внешность обманчива. Ты же сама понимаешь: с ним что-то *не так*. Помнишь, что случилось, когда...

В ушах застучала кровь. Я сжал кулаки, представив на мгновение, как мои пальцы смыкаются на покрытой автозагаром шее Ариэль и давят, давят, пока она не перестанет дышать. Сначала ее лицо становится красным, потом приобретает синеватый оттенок, она пытается сделать вдох, моля о пощаде... Окажись жизнь Ариэль в моих руках, она бы восприняла меня всерьез.

Конечно, ничего подобного я делать не собирался. Самые обычные неуместные мысли, порожденные неприязнью к родственникам. Высоко держа голову, я прошел мимо гостиной и туалета и вышел на улицу через парадную дверь.

Глава 11

Кэт

Я мечтала стать одним из партнеров фирмы с тех самых пор, как впервые переступила порог «Баркер и Лью» четыре года назад. Достичь вершины было непросто – каждый год компания предлагала партнерство двадцати юристам в своих офисах по всему миру, и среди этих двадцати женщин насчитывалось от силы две. Путь вверх был полон преград, но, как говорил мой отец, важные достижения не даются легко.

Так оно и было. В партнеры брали тех, кто отдавался делу с нечеловеческой самоотверженностью. Рабочий день растягивался до ночи, ела я практически всегда прямо за столом, а несколько раз в год задерживалась чуть ли не до утра. Мало кто выдерживал такой график. Некоторые счастливицы сбегали на непыльную работенку в крупной корпорации, большинство же переходило на государственную службу или в фирмы поменьше, соглашаясь на более скромную плату в обмен на полноценный ночной сон и время с семьей.

Меня же дома все равно никто не ждал, а выспаться можно и на том свете. У меня было ровно одно социальное обязательство: играть с друзьями в квиз – викторину в баре – по четвергам. Мы ходили в один и тот же убогий спортивный бар с последнего года обучения на юридическом, когда моя подруга Прия предложила хоть один вечер отдохнуть от подготовки к экзаменам. Мысль о том, чтобы пить пиво кувшинами и отвечать на какие-то глупые вопросы, вместо того чтобы учить правила сбора вещественных доказательств, меня шокировала. Самой собой, я никуда не собиралась... пока Коннор не спросил, пойду ли я. Тогда я согласилась.

С тех пор я ходила на квиз почти каждый четверг, не считая года, когда Коннор уезжал на стажировку в другой штат. Хотя теперь мы работаем в одной юридической фирме, только в четверг вечером я могу увидеться с Коннором за пределами офиса. В этот раз пришлось позвать и Одри, сама ведь обещала помочь ей устроиться в новом городе.

Я опоздала минут на десять. Одри, одетая в короткие черные шорты и кружевную белую рубашку, сидела на барном стуле, потягивала розовое вино и болтала о чем-то с барменом, обладателем детского лица и множества татуировок. Судя по плотоядному взгляду, его интересовал тот же вопрос, что и меня: надела ли Одри что-нибудь еще под эту кружевную рубашку?

Она что-то бросила с кривой усмешкой, а бармен чересчур громко рассмеялся, запрокинув голову. Слушая его ответ, Одри кокетливо наклонила голову и стала накручивать на палец длинный золотисто-рыжий локон. Я не знала, стоило ли мне прерывать их флирт.

Одри вдруг развернулась на стуле и окликнула меня:

– Кэт, ну наконец-то!

– Извини, застряла на работе. – Я поспешила подойти к ней. – Давно ждешь?

– Заскучать не успела, – сказала она, улыбнувшись бармену.

– Давай...

– Извините. – Между нами втиснулась знакомая мне официантка, молодая девушка с изумрудно-зелеными волосами и неспособностью отработать смену, не разлив хотя бы одно пиво. В одной руке она держала поднос с опасно накренившимися пустыми бокалами. – Вы ведь Одри Миллер?

Подруга одарила ее счастливой улыбкой.

– Да, а вы, простите?..

– Джди. Я давно на вас подписана. – Она с грохотом поставила поднос на стойку и протянула мне свой телефон. – Сфоткайте нас.

Одри пожала плечами и слегка улыбнулась мне, прежде чем небрежно приобнять Джоди за плечи и улыбнуться в камеру. Каким-то чудом Одри удалось создать впечатление, будто они с Джоди давние подруги, а не случайно встретившиеся в баре люди. Я не сомневалась, что, как только мы уйдем, официантка выложит фотографию во все социальные сети.

– Может, мне тоже на тебя подписаться? – ухмыльнулся бармен.

– На меня *все* должны быть подписаны.

– Ну, я подумаю. – Парень произнес это таким тоном, что у меня все сжалось внутри, однако Одри уже достала из сумочки визитку. Я едва удержалась, чтобы не выхватить карточку у нее из рук. Не стоит заигрывать с незнакомцами в барах, особенно если у этих незнакомцев татуировка в виде черепа во всю руку.

– Идем уже, – решительно сказала я. – Сейчас начнется игра. Пошли к нашим.

– Конечно. Дай только расплачусь.

– За счет заведения, – отозвался бармен.

– Ты просто прелесть! – Одри слезла с барного стула, захватив свой бокал и упаковку крекеров-зверюшек.

– Вижу, любимая закуска у тебя все та же, – улыбнулась я.

– Каюсь, виновата!

Одри протянула мне упаковку. Я взяла пару крекеров и повела ее к столику, за которым всегда сидела наша команда под названием «Фертильные восьмидесятилетние»⁸ (это понятие из сферы права собственности казалось нам ужасно смешным во время подготовки к адвокатскому экзамену). Я представила Одри всех собравшихся: вот Прия, моя подруга по юридической школе, Джесса, коллега Прии из «Американской федерации планирования семьи», Ламар, парень Джессы, Гарри, друг Ламара по колледжу, и Лон, который работает вместе с Гарри в Министерстве юстиции.

– Всем привет! Спасибо, что разрешили присоединиться, – с улыбкой сказала Одри и села рядом с Гарри, положив упаковку крекеров в центр стола. – Угощайтесь.

Лон, у которого была отвратительная привычка ковыряться пальцами в ушах, тут же потянулся к пакетику, и я решила, что больше не буду их есть.

Одри усадила меня рядом с собой и, держа телефон на вытянутой руке, сделала селфи. Я заставила себя улыбнуться, хотя заранее знала, что из этого выйдет. На снимке Одри будет кокетливо улыбаться, широко раскрыв глаза и идеально наклонив подбородок, а я получусь очень неестественно и обязательно с полуприкрытыми глазами. Со времен учебы в колледже у меня остались сотни таких фоток.

– А где Коннор? – спросила я, стараясь казаться максимально непринужденной. Я проходила мимо его кабинета, но дверь была закрыта, и я не поняла, ушел он или нет.

– А вот он я.

У него был глубокий властный голос, о котором мечтали все юристы. Сердце колотилось, когда я его слышала. Коннор стоял у стола, приглаживая густые волосы кофейного цвета. Он улыбнулся, и мое сердце заколотилось еще сильнее. Мне нравилась его улыбка в ее несовершенном совершенстве: левый уголок губ приподнимался чуть выше и виднелся сколотый передний зуб.

– Привет, Харрелл. – Он сел рядом. – Кто это с тобой? Познакомишь?

– Привет! – Подруга наклонилась к нему через меня. – Я Одри.

⁸ Фертильные восьмидесятилетние – устаревшее юридическое понятие, согласно которому человек способен иметь детей независимо от возраста. Согласно ему право собственности не может переходить к ребенку до тех пор, пока у него может появиться брат или сестра.

– Коннор, – представился он и одарил ее такой улыбкой, что все мои надежды разом рухнули. Очень хотелось, чтобы на Одри было надето что-то посерьезнее рубашки, смахивающей на кружевную салфеточку.

Ощувив, к своему стыду, ревность, я подалась вперед, чтобы прервать их визуальный контакт, и сказала:

– Одри, Коннор учился вместе со мной и Прией на юридическом факультете, а теперь мы с ним коллеги по «Баркер и Лью».

– Значит, шуточки про юристов лучше держать при себе? – В ее зелено-голубых глазах появился озорной блеск.

– Ну почему, я люблю хорошие шутки, – запротестовал Коннор. – Вот, например: в чем разница между бухгалтером и юристом?

– В чем?

– Бухгалтер осознает, что он зануда.

– Ба-бамс! – Лон стукнул мускулистой рукой по столу и захохотал.

Я бросила на него сердитый взгляд. Гарри так часто приводил Лона на квиз, что пришлось взять его в команду. Этот парень отлично разбирался в вопросах про спорт, но проблема заключалась в том, что Лон очень много пил и приставал к девушкам. Зачастую его просто выгоняли из бара, а девчонка из другой команды рассказывала, что ей однажды пришлось вызвать полицию, потому что Лон шел за ней до дома и потом ломился в дверь. Пусть даже не смотрит на Одри.

Моя подруга не обратила на него внимания, продолжая беседу с Коннором:

– Неплохо, но я знаю получше. В чем разница между комаром и адвокатом?

– Боюсь, сравнение будет не самое лестное.

– Один из них – кровососущий паразит, – ухмыльнулась Одри, – а второй – насекомое.

– Огонь! – Лон наклонился через весь стол и протянул руку, чтобы она дала ему пять.

Одри храбро шлепнула по ладони.

– Ой-ой. – Коннор сделал вид, будто у него закололо сердце. – Харрелл, какая у тебя жестокая подруга. Слышала, что она о тебе думает?

Как часто бывало в присутствии Коннора, я потеряла дар речи, но потом сморозила какую-то глупость:

– Она просто шутит.

– Ладно, ребята. – Коннор приготовился встать. – Пойду возьму чего-нибудь выпить.

Кому еще принести?

Лон допил пиво и стукнул пустым бокалом по столу:

– Еще одно светлое.

– Без проблем, Лон, – снисходительно ответил Коннор. – Больше никто не хочет?

– Мне тоже надо выпить. – Я вылезла из-за стола вслед за ним. – Заодно помогу тебе донести.

Коннор улыбнулся мне, и сердце опять бешено застучало. Что самое приятное, улыбался он, глядя на меня сверху. С четырнадцати лет я была выше всех своих кавалеров, а тут я могла почувствовать себя миниатюрной и женственной. Как же я завидовала крошечным девушкам вроде Одри, которым не приходилось волноваться из-за огромного роста.

Когда я встала, Одри поймала мой взгляд и демонстративно мне подмигнула. Я едва не умерла от смущения, но в груди разливалось приятное тепло. Одри поняла меня. Моя лучшая подруга снова рядом, и это замечательно.

Глава 12

Одри

Извини, у нас в офисе просто аврал ☺ Давай в другой раз?

Я расстроилась, прочитав сообщение от Кэт. Мне удалось в последний момент забронировать столик в ресторане «Бреска», отмеченном звездами Мишлен, и я с нетерпением ждала этого вечера. Меню там просто великолепное даже для такого любителя овощей, как я, а на фоне стены, поросшей настоящим мхом, получились бы отличные фотографии. В преддверии отличного ужина и импровизированной фотосессии я выбрала наименее помятый наряд – из коробок я успела достать только ноутбук и коллекцию редких пластинок, а одежду вынимала по необходимости – и ярко накрасилась, даже приклеив накладные ресницы. И что, теперь я должна провести вечер в одиночестве, раз Кэт меня бросила? Больше мне позвать было некого.

То есть было кого, напомнила я себе, только он еще не знал о моем переезде в Вашингтон, и я не хотела приглашать его на заранее спланированный ужин. Это вскружило бы его симпатичную голову.

Я налила белого вина в недавно купленный бокал и напомнила себе, что никогда не останусь одинока – при таком-то количестве подписчиков.

Проверив свой безупречный макияж, я открыла Инстаграм и начала прямую трансляцию.
– Привет, друзья!

Иззи однажды раскритиковала меня за слишком радостный голос в моих видео: «Ты показываешь людям фальшивую реальность. Я-то думала, ты хочешь быть для них “настоящей”».

Я возразила, что радостный тон – вовсе не индикатор фальши. Никто ведь не отвечает правдиво на заданный из вежливости вопрос «Как дела?». Кроме того, исследования доказывают, что если улыбаться, даже когда плохо, это помогает улучшить настроение. Надеюсь, что так и есть, я улыбнулась еще шире.

– Скажу честно, я еще не распаковала вещи после переезда. – Я повернула телефон и медленно обвела камерой горы коробок, а затем перевела объектив на себя и, изображая притворную неловкость, добавила: – Знаю, знаю, позор. Я и минуты больше не выдержу среди этого бардака.

Я начала рассказывать о том, как прошел мой день: купила новые бокалы, сходила на занятие по боди-балету, а по дороге домой с работы ждала, пока проедет правительственный кортеж – такое бывает только в Вашингтоне.

В нижней части экрана посыпались комментарии.

Обожаю Вашингтон! Тебе там очень понравится!

Классные серьги!

Я почувствовала, что моя улыбка становится все более искренней. Бесплатная косметика – это, конечно, здорово, но за телефон я бралась ради общения с реальными людьми. Сердце пело от осознания, что в данный момент десятки тысяч человек по всему миру находят время, чтобы послушать меня и оставить комментарии.

Комменты примерно поровну делились на льстивую похвалу и вопросы, хотя иногда попадались и всякие пошлости. «Классные сиськи», – регулярно писали мне парни на протяжении многих лет. Еще более развратные высказывания я просто игнорировала, потому что их

автором наверняка был какой-нибудь странный тип, до сих пор живущий у мамы в цокольном этаже. (Вот уж иронично, когда и сама обитаешь в подвальной квартирке.)

– Для меня очень важно комфортное жизненное пространство. – Не совсем верно, но я *хотела*, чтобы это было правдой. – А гора коробок просто сводит с ума! Всю неделю мне не хватало времени, зато сегодня я наконец останусь дома и распакую их! Все необходимое уже готово: канцелярский нож, бокал вина и несколько любимых пластинок. Пожелайте удачи!

удачи, одри!

Удачи!

Что будешь слушать?

удаааачи ххх

– Пока, мои дорогие. – Я подмигнула в камеру и отключила трансляцию.

Я опустила телефон, и улыбка исчезла с моего лица. Распаковывать коробки мне совсем не хотелось, так что я налила еще один бокал вина и начала перебирать коллекцию пластинок. Мэгги беспощадно подкалывала меня из-за того, что я жила онлайн-жизнью и при этом собирала музыку на безнадежно устаревшем носителе (сама-то она работала бухгалтером в компании по производству бумаги – и кто из нас после этого устаревший?), но мне нравилась осязаемость пластинок. Мое увлечение началось спонтанно, когда я бродила по блошиному рынку в Бруклине и наткнулась на виниловый альбом битлов «Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера». Я подумала, что эта потрепанная пластинка, сменившая далеко не одного хозяина, будет здорово смотреться в рамке. Потом Ник подарил мне проигрыватель, и я стала новообращенной фанаткой винила.

Мои размышления прервал звонок. Я глянула на экран и улыбнулась. Ник словно почувствовал, что я о нем думаю, и явился на мой зов.

– Ники, – промурлыкала я в трубку, – как раз тебя вспоминала.

– А я уже решил, что тебе на меня плевать. Даже не сказала, что переезжаешь.

– Ты, смотрю, и сам узнал.

– Весь интернет уже знает. И все-таки я ждал твоего звонка.

– Милый, мог бы взять телефон и позвонить.

– Вот я и звоню.

– Ну, тогда прими мои искренние извинения за то, что не сообщила о смене места жительства. – После этого я добавила тихим голосом: – Хочешь приехать и удостовериться в том, что мне правда очень жаль?

– Заманчивое предложение, – приободрился он. – Скинь свой адрес.

– Сейчас пришло. До встречи.

Двадцать минут спустя Ник переступил порог моей квартиры, пригнувшись в низком дверном проеме. Пришлось прикусить губу, чтобы сдержать улыбку. Ник не должен знать, какие чувства вызывает у меня его присутствие спустя семь лет после официального разрыва наших отношений.

– Здорово ты тут обустроилась, – сказал он с улыбкой в ясных голубых глазах.

– Да ну тебя! – Я игриво шлепнула его по руке. – Я здесь всего две недели. И ты наверняка об этом знаешь, раз преследуешь меня в соцсетях.

– Одри, это не преследование, ты сама выкладываешь каждый свой шаг.

– Конечно, успокаивай себя этим оправданием.

В ответ я получила все ту же насмешливую улыбку, которая покорила меня на втором курсе колледжа. Впервые я увидела Ника, когда он пил пиво из кеги через шланг, стоя на руках. Даже в таком не самом удачном ракурсе я разглядела, что он красавчик. Скрестив руки на груди и изогнув бровь, я ждала, пока ребята, державшие Ника за ноги, поставят его обратно.

– Ого, – сухо усмехнулась я, – интересная поза.

Ничуть не смутившись, он убрал с глаз золотистые волосы и с ухмылкой предложил:

– Будешь следующей?

Это был первый и последний раз, когда я попыталась встать на руки.

– На «Замок» не очень смахивает, да? – сказал Ник. В колледже «Замок» называли женское общежитие.

– Не особо, но пока сойдет. Здесь просто не хватает света.

– И мебели. Ее еще не привезли или что?

– Или что. Нет у меня никакой мебели, – призналась я.

– А квартира в Нью-Йорке чем была обставлена?

– Там все принадлежало Иззи. Надо купить новую, пока не было времени.

– Ну, в Колледж-Парке есть «ИКЕА», ты в курсе? Или это слишком простенько для звезды соцсетей вроде тебя...

Я показала ему язык и пихнула в ребра, а он легонько оттолкнул меня.

– В общем, если хочешь, я свожу тебя туда и помогу собрать мебель. Не люблю хвататься, но я ловко обращаюсь с шестигранником.

– Ловлю на слове, ведь я даже не знаю, что такое шестигранник.

– Откуда тебе! – засмеялся Ник, качая головой. – Ты же никогда сама не собирала мебель, верно?

Я пожала плечами.

– Когда ты такая красивая...

– И скромная!

– Вот, уж ты-то меня знаешь.

– Конечно. – Он протянул руку и коснулся моих волос. – Опять отпускаешь волосы? Мне нравится.

– Ты тоже неплохо выглядишь. – Я окинула взглядом его мускулистое загорелое тело и аккуратные светлые волосы. Ткнув пальцем в крепкий пресс, я добавила: – Набрал пару кило, но смотрится нормально.

– Замолчи, Одри, – хрипло сказал Ник, притянул меня к себе и поцеловал в губы, с которых не сходила улыбка.

Целовать Ника было легко и привычно. Хотя наши отношения завершились с окончанием колледжа, он всегда звонил мне, когда бывал в Нью-Йорке, так что мы виделись несколько раз в год. Однажды я сказала Нику, что быть с ним – это все равно что ездить на велосипеде. Сколько бы времени ни прошло, я всегда помню, как хорошо подходят друг другу наши тела. В тот раз он как-то странно посмотрел на меня, слегка возмущенный сравнением со средством передвижения, но возражать при этом не стал.

Я сунула руку под его футболку, провела ладонью по спине и задержалась на левой лопатке, зная, что там не очень-то понятная татуировка. Сама же и затащила его в тату-салон в Форт-Лодердейле. Голова кружилась от рома и солнца, но я должна была предупредить Ника, что не стоит верить мастеру, утверждающему, будто этот иероглиф означает «храбрость». А Нику, в свою очередь, следовало бы отговорить меня от татушки на внутренней стороне запястья в виде строки из стихотворения. Мог бы сказать, что мое увлечение поэтессой по имени Эдна Сент-Винсент Миллей, скорее всего, мимолетно.

– Так, а кровать-то у тебя есть? – спросил Ник, слегка отстраняясь. Его губы припухли. – Или ты спишь на куче картона?

– Позволь провести экскурсию. – Я потащила Ника в спальню, зацепившись за ремень его брюк.

Глава 13

Он

Вернувшись домой, я сел на диван с упаковкой крекеров-зверюшек и стал просматривать сторис, выложенные Одри. Я прижимал этих уродливых зверей к небу, а затем раздавливал зубами, наслаждаясь их сладковатой пресностью, зная, что тот же самый вкус ощущает и она. Я закрыл глаза, представляя себе ее теплый влажный рот и идеальные губы, похожие на бутон розы.

От этой мысли под кожей начало немного покалывать – ощущение на грани боли и удовольствия. Думая о блестящих волосах Одри, о ее светлой мерцающей коже, я провел ладонью по руке. Мое перевозбужденное тело пылало, как и в тот раз, когда она была совсем рядом.

Ее физическое совершенство завораживало, а яркая индивидуальность нашла отклик в моей душе. И все же в ней было что-то слегка опасное. Огненные волосы и соблазнительные бирюзовые глаза Одри источали какую-то опасность. Так что мое подсознание предупреждало, что Одри меня погубит. Но слишком поздно. Она меня уже погубила.

Мне не нужен никто, кроме нее, и я не остановлюсь, пока стук ее сердца не сольется с моим. Навсегда.

А пока я кладу в рот еще один крекер.

Глава 14

Одри

Я стояла полуголой в раздевалке фитнес-клуба, когда меня впервые узнала подписчица. После высокоинтенсивной тренировки – кожа вся липкая, пот заливает глаза – я сняла мокрую майку, и тут ко мне подбежала девушка в кислотно-розовых легинсах. На вид лет двадцать, волосы завязаны в хвост.

– Вы Одри Миллер! – сияя от радости, воскликнула она.

– Да, все верно, – ответила я с усталой улыбкой, жалея, что утром не уделила больше внимания волосам. Перед занятием я просто завязала их в небрежный пучок, который теперь наверняка съехал на сторону.

«Розовые легинсы» окликнула своих подруг:

– Даниэль! Рейна! Идите сюда! Я же говорила, что это Одри Миллер!

Меня окружили ее подруги в такой же яркой спортивной одежде. «Мы обожаем ваш блог, обожаем вашу прическу, обожаем ваши сторис!» – наперебой твердили они. Девушки вытащили украшенные стразами айфоны и попросили сделать с ними селфи, а я ответила, что мне сначала нужно принять душ. Надеюсь, что они уже разбегутся к тому моменту, как я выйду, обернутая полотенцем, но нет, они ждали с телефонами наготове. Их энтузиазм просто зашкаливал.

И мне было чертовски приятно.

Когда я рассказала об этом Иззи, она рассмеялась:

– Дамы и господа, позвольте вам представить мою самовлюбленную лучшую подругу.

Иззи вроде как и шутила, но я-то знала правду. И мне было плевать, что она там думает. Люди знают, кто я такая, и считают знаменитостью – такого кайфа я никогда раньше не испытывала.

Поэтому, когда однажды вечером я бежала на тренировку, а меня вдруг кто-то окликнул, я обрадовалась. Поправила волосы, растянула губы в доброжелательной улыбке и повернулась, чтобы поздороваться с кем-то из подписчиков. Но, к удивлению, увидела Коннора, друга Кэт, – он сидел за уличным столиком кафе и махал мне. Перед ним стояла белая кофейная кружка, рукава голубой рубашки закатаны – жара была ужасная.

– Одри, привет. – Он искренне улыбнулся и встал, когда я подошла. – Так и подумал, что это ты. Я Коннор, друг Кэт Харрелл, помнишь? Мы недавно вместе ходили на квиз.

– Конечно, помню, – ответила я, опуская тот факт, что также помнила, что Кэт не сводила с него глаз. У бедняжки практически мигала над головой неоновая вывеска, что она влюблена в этого парня. Когда я спросила, правда ли это, подруга жутко покраснела и отчаянно замотала головой. «Леди много возражает», – в шутку процитировала я Шекспира, хотя даже это не помогло вытянуть из нее правду. Но как бы Кэт ни упиралась, я ей не верила. Коннор был однозначно в ее вкусе: высокий, темноволосый, немного не дотягивающий до настоящего красавца из-за сильно торчащего кадыка и широко посаженных глаз с нависшими веками. Из них бы получилась милая, пусть и немного нескладная пара.

«Она еще будет меня благодарить», – подумала я, решив выступить в роли Купидона.

– Здорово, что Кэт позвала меня на квиз. Переезд в новый город дело непростое, и она делает все возможное, чтобы я тут освоилась. Очень заботливая.

– Да, Харрелл потрясающая, – без особого энтузиазма согласился Ник.

Так, понадобится приложить больше усилий, чем я ожидала.

– Еще какая потрясающая, она...

– Может, присядешь? Угощу тебя латте.

– Спасибо, но у меня велотренировка через двадцать минут. К тому же мне противопоказан кофеин в такое позднее время. Долго не смогу уснуть, придется принимать снотворное, а наутро я буду чувствовать себя такой разбитой, что опять начну пить кофе – в общем, замкнутый круг.

Коннор показал на свою кружку и заговорщицки понизил голос:

– Без кофеина.

– Зачем вообще пить кофе, если он без кофеина?

Коннор с улыбкой пожал плечами.

– А как же иначе, если встречаешься кое с кем за чашечкой кофе?

В голове зазвенели тревожные звоночки. Встречается кое с кем за чашечкой кофе? У него что, *свидание*? Может, стоит все-таки задержаться и посмотреть на конкурентку Кэт... Не успела я сказать, что передумала, как до меня дошло: стал бы он приглашать меня присесть, если бы ждал другую девушку?

– Встречаешься кое с кем? – с притворной беззаботностью переспросила я. – Познакомился в интернете?

По его покрасневшим щекам все сразу стало ясно: Коннор точно ждал женщину, возможно, у них было первое свидание. Ситуация не из лучших – говорит, что Кэт потрясающая, а сам встречается с кем-то еще, – но и не безнадежная. Я отлично справлялась с ролью свахи и успела свести Жасмин с ее будущим мужем, Ханну с ее парнем и Татьяну с ее девушкой. (Приписывать к своим заслугам отношения Иззи и Расселла я, к счастью, не могла и не стала.) Я готова помочь Кэт. Она хорошая подруга.

Звякнул телефон – напоминание о тренировке.

– Мне пора. Рада была тебя встретить. Надо как-нибудь собраться втроем – ты, я и Кэт, – предложила я, намереваясь отказаться от встречи в последний момент, чтобы устроить этой парочке неожиданное свидание.

– Непременно. Увидимся, Одри.

Я помахала ему на прощание и направилась к перекрестку. Стоя на пешеходном переходе, я затылком ощутила чей-то взгляд. Обернувшись, думая, что это Коннор, но он рассматривал что-то в телефоне. Я почувствовала себя глупо и перевела глаза на светофор. Загорелся зеленый, я пошла вперед, – и опять возникло то же самое ощущение. Я поспешила перейти дорогу и сразу оглянулась, ожидая увидеть, как какой-нибудь мерзкий тип на меня пялится.

Неожиданно я едва не уткнулась лицом в крепкую грудь Ника.

– Ник! – завопила я, с облегчением засмеявшись, хотя сердце все еще громко стучало. – Ты меня напугал! Зачем подкрадываться?!

Он игриво улыбнулся.

– Ты же знаешь, мне нравится заставлять тебя кричать...

– Плохой мальчик. – Я слегка стукнула его по животу. – Что ты вообще делаешь в этом районе? Только не говори, что хотел повидаться со мной.

– Ну конечно, что же еще могла подумать наша маленькая мисс Самодовольство, – пошутил он, взъерошив мне волосы. – Нет, детка, я встречаюсь с другом, он пригласил меня выпить. Хочешь с нами?

– Еще чего. Помню, в прошлый раз, когда я согласилась, пришлось два часа слушать какую-то хрень про фэнтези-футбол.

– В этот раз ничего такого не будет, обещаю, – с серьезным видом заявил Ник, а потом широко ухмыльнулся. – Сейчас сезон фэнтези-бейсбола.

– Не знаю, как пережить, что все пропущу, но я уже записалась на тренировку и вынуждена отказаться от твоего предложения, – сказала я, закатив глаза. – Удачно вам пообсуждать несуществующий вид спорта, зануды!

– Кстати о занудах, это кто? – Ник кивком показал в сторону кофейни, где за столиком, по-прежнему не отрываясь от экрана мобильного, сидел Коннор.

– Друг Кэт. Помнишь Кэт, из колледжа?

Он фыркнул.

– Эту чудачку? Как такое забудешь.

– Ну ты и засранец, Ник. Кэт всегда была добра ко мне.

– А я еще лучше. – Он обнял меня за спину сильной рукой и потянул к себе.

– Не надо. – Я вырвалась из его хватки.

Уверенная улыбка сползла с лица Ника.

– Одри...

– Тренировка, забыл? – Пританцовывая, я отошла на несколько шагов и подмигнула ему. – Можем увидеться позже вечером, что скажешь?

Улыбка снова вернулась.

– Обязательно увидимся.

Глава 15

Он

Каждое утро по дороге на работу Одри покупала свой любимый латте на миндальном молоке. Откуда я это знаю? Во-первых, она постоянно выкладывала фотографии кофейни у себя в Инстаграме, а во-вторых, иногда я ее там поджидал. Сидел в дальнем углу, спрятав волосы под бейсболку и уткнувшись в сборник стихов. Да, я прятался, но при этом бросал ей вызов – заметь меня! Конечно, находиться так близко было рискованно, и все же я не мог удержаться. Мне нравилось наблюдать за ее повседневной жизнью.

В ожидании кофе Одри постукивала изящным пальчиком по экрану телефона, периодически заправляя выбившиеся пряди волос за ухо. Крошечные сережки сверкали на свету, и мне до боли хотелось поцеловать мягкие мочки ее ушей, провести языком по каждому золотому колечку.

Когда же ты поймешь, как сильно я тебя люблю?

Быть рядом – и не признаться, что боготворю ее!.. От этих мучений мозги едва не закипали. Тем не менее я продолжал подвергать себя пыткам. Скоро я подберу слова для описания своих чувств, скажу ей, что мы должны быть вместе, что наши сердца должны биться в унисон.

В отчаянии я смотрел, как она выходит из кофейни со стаканчиком в руке, не поднимая головы от телефона.

Одри ушла.

Пока что.

Глава 16

Кэт

– Ну же, Кэт, – умоляла Одри, – сколько можно сидеть на работе? Ты становишься занудой.

Непрощеным воспоминанием перед глазами встал образ Эмили Сноу, длинноногой тринадцатилетней девчонки из летнего лагеря «Блэквуд». Одну руку она изящно уперла в худое бедро, а другой касалась длинных светлых волос. «Ты жутко *скудная*», – усмехнулась она.

– Уходи, – сердито зашептала я призраку, зажмурившись.

– Что ты сказала?

Я приоткрыла один глаз и облегченно выдохнула. Эмили испарилась. Она больше меня не обидит. Она больше никого не обидит.

– Ничего, – ответила я Одри и, плечом прижав телефон к уху, глянула на стопку папок на столе. – Это я своей помощнице. В любом случае мне ужасно жаль...

– Отказ не принимается! Ты *должна* отпраздновать это со мной – не каждый день твоя подруга попадает в журнал «Гламур» как один из самых популярных пользователей соцсетей.

– Знаю, я очень рада...

– Представляешь, только за сегодняшний день у меня появилось пять тысяч новых подписчиков. *Пять тысяч!* Невероятная цифра. Если честно, это твое трудолюбие отчасти так на меня повлияло. Ты столько раз отказывалась пойти со мной куда-нибудь, сидя на работе, что я вдохновилась твоим примером. Поэтому с меня бокал шампанского – а может, целых пять! Черт, да я должна тебе целую бутылку.

Я не стала указывать на иронию в ее логике: Одри соблазнила меня отложить дела, чтобы отпраздновать ее недавно обретенный трудоголизм. Вместо этого я сказала:

– Давай выпьем эту бутылку в эти выходные. К пятнице мне нужно подготовить...

– К пятнице? – переспросила Одри. – До этого еще целых четыре дня! Ну же, Кэт, пожалуйста. Отметить нужно обязательно, а мне больше некого позвать. Давай встретимся после работы? И выпьем всего по одному бокалу, я обещаю.

Моя решительность дрогнула. Одри очень не любила оставаться в одиночестве, а значит, я как хорошая подруга должна ее поддержать. Она обо мне заботилась с той самой первой встречи в общежитии до дня распределения по сестринствам... Одри никогда не бросала меня одну, она была отличной подругой. Лучшей.

Несколько часов спустя я с виноватым видом спешила в центр города. Я задержалась на совещании, а Одри не ответила на мои сообщения. Я уже представила, как она сидит одна за стойкой бара, а шампанское в бокалах понемногу выдыхается.

Ничего подобного.

Внутри шумного французского ресторанчика я инстинктивно глянула в сторону бара, однако не заметила ярких волос Одри. Неужели я опоздала? Я быстро осмотрела зал и заметила ее на диванчике в углу, а рядом с ней двух эффектных девушек с безупречным макияжем и мужчину в круглых очках в черепаховой оправе. Все они оживленно болтали, у каждого в руках было по коктейлю. Одна из девушек подняла свой бокал.

– За Одри! – Сквозь гул голосов я расслышала ее британский акцент.

– Добрый вечер! Сколько вас будет? – спросила администратор.

Я молча уставилась на нее в ответ, не зная, стоит ли мне присоединиться к компании Одри или лучше развернуться и уйти. Глупо было думать, что подруга действительно во мне нуждается.

– Мисс? – снова обратилась ко мне администратор.

– Я просто...

– Кэт! – вдруг завопила Одри, когда я уже хотела пойти к выходу.

Я направилась к их столику. Мне было ужасно неловко – видок у меня тот еще: на потертой рубашке пятно от кофе, глаза красные и уставшие после целого дня, проведенного за чтением документов. Приглаживая волосы, я нащупала ручку за ухом и, покраснев, бросила ее в сумку.

– Привет, – поздоровалась я, нацепив улыбку. – Извини, застряла на работе и...

– С тебя штрафной. – Одри сунула мне в руку бокал для мартини, наполненный розовой жидкостью. – Догоняй.

– Спасибо, – неуверенно ответила я, приглядываясь к бокалу – нет ли на нем следов чужой помады?

– Знакомьтесь, это моя подруга Кэт, – объявила всем Одри. – Мы с ней дружим лет сто. Кэт, это Лоуренс, мой коллега по музею, а это Кейша и Джорджия, блогеры-путешественницы из Лондона. Мы сегодня познакомились в Инстаграме.

– Люблю Лондон, – вежливо заметила я.

Одна из девушек – я так и не поняла, кто из них Кейша, а кто Джорджия, – приняла мои слова за интерес к городу и начала рассказывать про лучшие магазины английской столицы. Она упоминала названия неизвестных мне брендов, но я все равно кивала в ответ, делая вид, что понимаю, о чем идет речь. К счастью, скоро тема беседы сменилась, и мы начали обсуждать маршрут их путешествия по Америке. Потом разговор перешел к интернету и гугл-аналитике, и я мыслями вернулась к работе. В сумке лежала целая кипа бумаг, пора искать пути отхода.

Вдруг Лоуренс наклонился ко мне и, сверкая глазами из-за очков, спросил:

– Одри уже рассказывала про главу ее фан-клуба?

Я бросила взгляд на подругу.

– У тебя есть фан-клуб?

– Да это просто шутка, – натянуто засмеялась она.

– Для подготовки новой инсталляции у нас закрыли для посетителей один зал. В свой первый рабочий день Одри заходит туда, и что ты думаешь? Там стоит какой-то странный тип. Она его выгнала, а этот парень теперь заделался ее главным поклонником. Ходит в музей *каждый день*. Просто бродит по коридорам, надеясь увидеть Одри. А мы сделали из этого целую игру, называется «Заметь чудика».

– Охранникам сообщили?

– Не волнуйся, Кэт, – пожалала плечами Одри. – Он не опасен. Немного странный, и все.

– Ты уверена?

За столом повисла тишина. Лоуренс переглянулся с одной из блогерш, и взгляд этот явно означал, что им со мной скучно. Пусть так, но я не собиралась молча смотреть на то, как моя лучшая подруга становится жертвой преследователя, потому что все остальные считают это *игрой*. Женщин постоянно убивают такие вот вроде бы безобидные «обожатели», потому что мы приучены не поднимать шум.

– Поговори с охраной, ладно? – настаивала я, не обращая внимания на закатывающего глаза Лоуренса.

Одри нежно похлопала меня по руке и ловко сменила тему, спросив у путешественниц, собираются ли они в Нью-Йорк. Двадцать минут спустя Лоуренс сказал, что ему пора идти, и на прощание поцеловал Одри в щеку. Поцелуй, на мой взгляд, слегка затянулся. Кейша и Джорджия ушли сразу после Лоуренса. Я потянулась за сумкой, решив, что Одри тоже готова уходить, однако она подозвала официантку и заказала нам еще по коктейлю.

– Спасибо, что пришла, Кэт.

Я положила сумку обратно.

– Ну, не каждый день моя подруга получает признание крупнейшего журнала. Поздравляю.

– Дело не только в этом, – сказала Одри, допивая остатки предыдущего коктейля. – Мысль о том, чтобы провести еще одну одинокую ночь в моей квартирке, просто невыносима. А снова приглашать Ника я не хотела. Его самомнение и так раздуто до безобразия.

– Постой, к тебе приходил Ник? *Тот самый?*

Одри перекинула волосы через плечо и с дьявольской ухмылкой ответила:

– Да, тот самый. Ты сама знаешь, что он живет в этом городе.

– Как и полмиллиона других людей, – нахмурилась я. Никогда не понимала, чем ее так привлекал Ник. Да, он был хорош собой, но в колледже мало чем отличался от других любителей пива и травки. Одри могла найти себе кого-нибудь гораздо лучше.

– Да ладно, Кэт, подумай. – Официантка поставила на наш столик новые коктейли. Одри взяла свой бокал. – Давай не будем обсуждать отсутствие у меня личной жизни. Поговорим лучше о твоей.

– Да мне и сказать особо нечего.

– Разве? – усмехнулась она. – А как же Коннор?

У меня вспыхнули щеки.

– Ты о чем?

– Я так и знала! – ликующе ответила Одри. – Кэт, эмоции ты скрывать не умеешь. Я же видела, как ты смотрела на него на квизе. Да у тебя глаза были прямо в форме сердечек. Так что между вами?

Я была безнадежно влюблена в Коннора с самого первого семестра. Помню, я закончила диспут на занятии по гражданским правонарушениям, и тут высокий симпатичный парень с дальнего ряда поднял руку и сказал: «Но если выступать адвокатом дьявола⁹

⁹ Адвокат дьявола – обозначение человека, осознанно принимающего в дискуссии отрицательную, противоположную общепринятой позицию и приводящего аргументы в ее пользу, в действительности не являясь убежденным ее сторонником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.